П. Х.

ВОЮЮЩАЯ ГЕРМАНІЯ.

„Теперь начнемъ-же мы ихъ молотить“...

(Nun, aber, wollen wir sie dreschen).

Цѣна 80 коп.

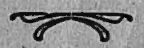
Книжный магазинъ б. МЕЛЬЕ и К°
Петроградъ, Невскій просп., 20.
1915.

П. Х.

ВОЮЮЩАЯ ГЕРМАНІЯ.

„Теперь начнемъ же мы ихъ молотить“.

(Nun, aber, wollen wir sie dreschen).

Книжный магазинъ б. МЕЛЬЕ и К°.
Петроградъ, Невскій пр., 20.
1915.

Типографія и переплетная А. Н. ЛАВРОВЪ и К°, ул. Гоголя, № 9.

Не совсѣмъ обычный эпиграфъ этой книжки—не преслѣдуетъ сенсацій. Фразой: „Теперь начнемъ мы ихъ молотить“ императоръ Вильгельмъ простился съ представителями нѣмецкаго народа послѣ своей тронной рѣчи, полной жалобъ на „враговъ“, заставившихъ, будто, его взяться за мечъ, въ цѣляхъ самообороны. Часъ, время и обрисованная во 2-ой главѣ обстановка, при которой, быть можетъ, даже непроизвольно, произнесена была эта фраза—таковы, что разсматривать ее какъ lapsus linguae нельзя. Фраза эта красочно и ясно разоблачаетъ затаенную мысль и характеризуетъ роль императора Вильгельма въ переживаемой трагедіи человѣчества гораздо ярче, опредѣленнѣе и вѣрнѣе, чѣмъ всѣ телеграфныя и словесныя увѣренія его въ любви къ миру и стремленіяхъ сохранить миръ.

Для своихъ замѣтокъ мы пользовались матеріаломъ исключительно нѣмецкихъ источниковъ, дѣлая почти повсюду точныя ссылки и указывая даты. Въ страстной и упорной агитаціи, которую ведетъ Германія среди нейтральныхъ странъ и народовъ, проводится одна и та-же мысль: никакимъ свѣдѣніямъ и сообщеніямъ о Германіи „враговъ“ ея люди безпристрастные вѣрить не должны, такъ какъ свѣдѣнія и сообщенія эти тенденціозныя и клеветническія. Истина только у нихъ, у нѣмцевъ. Выпущена и переведена на иностранные языки спеціальная книжка „Die Wahrheit über dem Krieg“. Сущность книжки можно передать въ трехъ строкахъ, заключающихъ статью „Императоръ и рейхстагъ“. Констатируя—безусловную истину—полное объединеніе нѣмецкаго народа, всѣхъ его слоевъ, классовъ и вѣроисповѣданій,—статья заканчивается такъ:

„Тамъ, гдѣ Германіи угрожала такая страшная опасность со стороны Россіи, гдѣ нѣмецкій императоръ-мира (Friedenskaiser) такъ гнусно былъ обманутъ враждебными культурѣ русскими шайками,—тамъ имѣется лишь одинъ священный пароль: Впередъ! въ священную войну противъ варварства (Unkultur), вѣроломства и звѣрскаго угнетенія!“

Такова нѣмецкая истина о войнѣ, распространяемая среди нейтральныхъ странъ и народовъ. Насколько эта истина соотвѣтствуетъ нѣмецкой-же дѣйствительности, нѣмецкимъ же фактамъ должна дать, разумѣется, лишь частичный отвѣтъ эта книжка, составленная исключительно по нѣмецкимъ источникамъ и даннымъ, отрицать которые, вѣроятно, не рѣшатся и сами нѣмцы.

ГЛАВА I.

Германская „Бѣлая Книга“.

Подготовка Германіей Австро-Сербскаго конфликта. Несоотвѣтствіе текста „бѣлой книги“ съ подкрѣпляющими ее документами. Сознательная неправда. Генералъ Хеліусъ.

1.

Одновременно съ началомъ переживаемой нами войны, правительства воюющихъ государствъ: Россіи, Франціи, Англіи и Германіи издали цѣлый рядъ дипломатическихъ документовъ, въ формѣ бѣлыхъ, синихъ, оранжевыхъ книгъ, цѣль которыхъ доказать обществу, что не оно,—правительство данной страны,—повинно и не оно несетъ отвѣтственность за потокъ и разграбленіе, сопровождающіе войну, за чудовищное истребленіе людей и, наконецъ, за тѣ, непредвидимыя пока, послѣдствія, какія война повлечетъ за собой. Но никто съ такой страстностью не твердитъ о своей невиновности, никто такъ упорно не возлагаетъ отвѣтственность за войну на другихъ, главнымъ образомъ на Россію, какъ нѣмцы. Въ этомъ стремленіи къ самооправданію и обвиненію другихъ сошлись органическіе антиподы.

„Среди полнаго мира нападаетъ на насъ врагъ!“—разумѣя Россію, говоритъ императоръ Вильгельмъ въ своемъ воззваніи „Къ моему народу“, а ему вторитъ свирѣпѣйшій

соціалъ-демократъ, депутатъ рейхстага, Рихардъ Фишеръ, который пишетъ своимъ швейцарскимъ товарищамъ: „Весь германскій народъ разсматриваетъ поведеніе Россіи, какъ гнусное нападеніе. Должны-ли мы въ такой часъ отрываться отъ народа?“ Философы Геккель и Эйкенъ увѣряютъ: „То, что сейчасъ происходитъ будетъ отмѣчено въ анналахъ исторіи, какъ несмываемый позоръ. Англія воюетъ на сторонѣ не только варварства, но и моральной несправедливости. Вѣдь не надо забывать, что начала войну Россія“.

Мы ограничиваемся этими тремя криками души юнкерства, пролетаріата и духа Германіи. Они образчики того настроенія, какимъ охвачена вся страна и какое германское правительство стремится внушить и не нѣмцамъ.

Если задаться вопросомъ, чѣмъ создалось такое настроеніе, то отвѣтъ придется искать исключительно въ той агитаціи и въ томъ ослѣпленіи, о которыхъ будетъ сказано ниже. Фактически, документами, настроеніе это не только не оправдывается, но безусловно опровергается. Мы имѣемъ въ виду документы, опубликованные германскимъ правительствомъ въ его „Бѣлой Книгѣ“.

Странная книга! Прочитанная на спѣхъ, — а только на спѣхъ она и могла быть прочитана въ моментъ выпуска ея, — книга производитъ впечатлѣніе солидности, добросовѣстности, а, главное, достовѣрности. — Коварство Россіи, добродѣтель и миролюбіе Германіи подтверждается тутъ-же приложенными офиціальными документами. Но стоитъ внимательно прочесть книгу, стоитъ сопоставить документы иллюстрирующему ихъ тексту и станетъ ясно, что стремительность событій послѣднихъ, до объявленія войны, трехъ дней помѣшала германскому правительству съ достаточной осмотрительностью прокорректировать свою бѣлую книгу. Не то, что корректура эта измѣнила-бы историческую правду, но она несомнѣнно устранила бы изъ текста тѣ непримиримыя противорѣчія, тѣ никакими, абсолютно, фактами не подтверждаемыя увѣренія и, наконецъ,

тѣ, въ буквальномъ смыслѣ слова, *подлоги*, которыми полна германская бѣлая книга.

Германскому народу и его представительству—рейхстагу,—въ моментъ выпуска книги (20-го іюля) было не до того, чтобы разбираться въ ней. Нервное настроеніе достигло невыносимаго напряженія. Не только народъ, но и руководители его потеряли голову. По свидѣтельству англійскаго посла въ Берлинѣ, Гошена, съ самимъ канцлеромъ не было возможности говорить въ то время осмысленно. Явно подъ этимъ настроеніемъ составлена книга. Но если она не можетъ похвастать систематизаціей и логикой, то въ группировкѣ помѣщенныхъ въ ней документовъ, въ освѣщеніи какъ послѣднихъ, такъ и всѣхъ событій, приведшихъ къ войнѣ видно преднамѣренное желаніе, выражаясь мягко, *ввести въ заблужденіе собственный народъ*. Эта цѣль, какъ видно изъ приведенныхъ выше цитатъ, германскимъ правительствомъ достигнута вполнѣ.

Начинается германская „Бѣлая Книга" передачей обстоятельствъ, сопровождавшихъ убійство въ Сараевѣ австрійскаго престолонаслѣдника, Франца-Фердинанда и его жены. Раздѣляя австрійскую точку зрѣнія на характеръ этого преступленія, явившагося, будто бы, слѣдствіемъ стремленій Сербіи разрушить двуединую дунайскую монархію,—бѣлая книга говоритъ, буквально, слѣдующее:

Сербія могла все это дѣлать, т. е., вести разрушительную противъ Австріи агитацію

> „только потому, что въ своихъ стремленіяхъ она думала опираться на Россію. Политика Россіи, непосредственно за событіями, совершившимися въ Турціи послѣ революціи 1908 года, была направлена на созданіе подъ своимъ патронатомъ, союза балканскихъ государствъ противъ существованія Турціи. Этотъ балканскій союзъ, которому въ 1911 году удалось вытѣснить Турцію изъ ея европейскихъ владѣній, разбился потомъ на вопросѣ о раздѣлѣ добычи войны. Русскую политику эта

неудача не испугала. По идеѣ русскихъ государственныхъ людей, долженъ былъ образоваться новый балканскій союзъ, остріе котораго имѣло быть направлено уже не противъ вытѣсненной съ Балканъ Турціи, а противъ австро-венгерской монархіи. По этой идеѣ, Сербія, за включеніе, на счетъ дунайской монархіи, въ свою территорію Босніи и Герцоговины, должна была уступить Болгаріи завоеванныя въ послѣдней войнѣ части Македоніи. На сей конецъ, изолированная Болгарія должна была сдѣлаться податливой, Румынія, при помощи французской (!?) агитаціи, имѣла быть прикована къ Россіи, а Сербія получить Боснію и Герцеговину".

Это, столь невразумительно изложенное, представленіе о задачахъ ближне-восточной политики Россіи не подкрѣплено, абсолютно, никакими доказательствами. Тѣмъ не менѣе, бѣлая книга увѣряетъ, что Австріи отъ этой „политики" угрожала страшная опасность и было рѣшено дальше не бездѣйствовать.

„Императорско-королевское правительство, — продолжаетъ бѣлая книга,—*сообщило намъ свой взглядъ* и *запросило наше мнѣніе. Отъ всего сердца могли мы дать нашему союзнику наше согласіе* съ его оцѣнкой положенія дѣла и увѣрить его, что *всякое дѣйствіе, какое оно сочтетъ необходимымъ предпринять, будетъ нами одобрено*. При этомъ, *мы вполнѣ сознавали, что какое либо военное выступленіе Австріи противъ Сербіи вызоветъ на сцену Россію, а этимъ*, въ виду нашихъ союзническихъ обязательствъ, *втянуть насъ въ войну*. Однако, въ сознаніи, что въ игрѣ поставлены жизненные интересы Австріи, *мы не могли посовѣтовать нашему союзнику быть уступчивымъ, какъ не могли отказать ему* въ этотъ тяжелый моментъ *въ нашей поддержкѣ. Тѣмъ менѣе мы это могли, что и нашимъ интересамъ* непрекращающаяся, подкапывающая работа Сербіи *угрожала самымъ чувствительнымъ образомъ*. Если бы сербамъ,

при помощи России и Франціи (?), было позволено и дальше угрожать существованію сосѣдней монархіи, то это имѣло бы послѣдствіемъ постепенное уничтоженіе Австріи и подчиненіе всего славянства подъ скипетръ России, а этимъ положеніе германской расы въ средней Европѣ стало бы невыносимымъ. Морально ослабленная, все дальше проникающимъ русскимъ панславизмомъ разрушаемая Австрія не была бы *для насъ союзникомъ, съ которымъ мы могли бы считаться и на котораго могли бы положиться*, въ виду угрожающаго отношенія нашихъ восточнаго и западнаго сосѣдей. *Поэтому мы предоставили Австріи совершенно полную свободу дѣйствій противъ Сербіи*".

Здѣсь умѣстно отмѣтить слѣдующее обстоятельство. Когда сталъ извѣстенъ текстъ австрійскаго ультиматума Сербіи и печать приписала Германіи содержаніе этого документа, германскій посолъ въ Петербургѣ сдѣлалъ 12/25-го іюля нашему министру иностранныхъ дѣлъ слѣдующее категорическое заявленіе:

„Извѣстіе, распространенное нѣкоторыми газетами о томъ, что выступленіе австро-венгерскаго правительства въ Бѣлградѣ произошло по наущенію Германіи,— совершенно ложно. Германское правительство не было ознакомлено съ текстомъ австрійской ноты и не повліяло на ея содержаніе".

Подчеркнутыя мѣста, а, особенно, конецъ приведенной выдержки изъ германской бѣлой книги до очевидности выясняютъ насколько отвѣчаетъ дѣйствительности утвержденіе г. посла, что Германія „не повліяла" на содержаніе австрійскаго ультиматума. Что касается второго утвержденія, что германское правительство не было ознакомлено съ текстомъ австрійской ноты, то г. германскій посолъ въ Петербургѣ написалъ въ офиціальной бумагѣ явную неправду.

10/23-го іюля, т. е., въ день, когда, лишь *въ 6 часовъ вечера*, австрійскій ультиматумъ былъ врученъ Сербіи, германскій

канцлеръ разослалъ своимъ представителямъ въ Петербургѣ, Парижѣ и Лондонѣ телеграфную ноту, въ которой, повторяя все тѣ же обвиненія противъ Сербіи, пишетъ, буквально, слѣдующее:

„При такомъ положеніи дѣла, выступленіе и *требованія* (*въ то время никому не извѣстныя*) австро-венгерскаго правительства должны разсматриваться только какъ вполнѣ справедливыя. Тѣмъ не менѣе, проявляемое въ послѣднее время отношеніе какъ общественнаго мнѣнія, такъ и правительства Сербіи не исключаетъ опасенія, что *сербское правительство откажется удовлетворить эти требованія.* Поэтому, австро-венгерскому правительству ничего иного не останется, какъ сильнымъ давленіемъ, а, при необходимости *и примѣненіемъ военныхъ мѣръ* заставить сербское правительство принять его требованія“.

Эта нота, стало быть, не только устанавливаетъ знакомство германскаго правительства съ содержаніемъ австрійскаго ультиматума, еще до врученія его Сербіи, не только заранѣе санкціонируетъ всѣ требованія Австріи, но откровенно признаетъ непріемлемость для Сербіи этихъ требованій и, какъ слѣдствіе этого, военныя мѣры Австріи.

Само собою разумѣется, что такое предвидѣніе, логически, требовало и соотвѣтствующихъ мѣръ со стороны Германіи, обѣщавшей своей союзницѣ „одобрить“ ея дѣйствія. И дѣйствительно, эта же нота заканчивается слѣдующей открытой угрозой всѣмъ инако мыслящимъ:

„Имѣю честь просить васъ,—заканчиваетъ свою ноту канцлеръ,—переговорить въ сказанномъ смыслѣ съ г.г. (Сазоновымъ, Греемъ, замѣстителемъ Вивіани) и при этомъ особенно энергично подчеркнуть тотъ взглядъ, что въ сказанномъ вопросѣ дѣло идетъ объ обстоятельствѣ, касающемся исключительно Австро-Венгріи и Сербіи, и что серьезнѣйшимъ стремленіемъ всѣхъ державъ должно быть ограниченіе конфликта между непосред-

ственными участниками его. Мы настоятельно желаемъ локализовать конфликтъ, такъ какъ всякое вмѣшательство какой-либо другой державы, въ виду множества союзныхъ обязательствъ, повлечетъ за собою непредвидимыя послѣдствія".

Вѣроятно, еще не забытъ шумъ, поднятый французской печатью по поводу угрозъ, высказанныхъ г. фонъ-Шенъ, германскимъ посломъ въ Парижѣ, замѣстителю Вивіани. Впечатлѣніе отъ этихъ угрозъ получилось настолько внушительное, что г. Шенъ поспѣшилъ заявить, что онъ былъ неправильно понятъ. Цитируемая нота свидѣтельствуетъ, однако, что г. посолъ только добросовѣстно выполнилъ порученное ему.

Собственно говоря, и эта нота и, особенно, приведѣнная выдержка изъ германской бѣлой книги въ достаточной степени выясняютъ кто создалъ австро-сербскій конфликтъ и въ чьихъ интересахъ было придать ему ту остроту, которая неизбѣжно вела къ войнѣ. Но при рѣшеніи перваго вопроса, т. е. кто создалъ весь конфликтъ? не лишне имѣть въ виду еще слѣдующій фактъ.

18/31-го іюля, когда самой же Германіей вызванная буря должна была съ минуты на минуту разразиться, въ офиціальной газетѣ германскаго правительства, „Norddeutsche Allgemeine Zeitung", появилась статья подъ многозначительнымъ заглавіемъ—„Die Vorgeschichte". Въ этой статьѣ совершенно открыто напечатано, что цѣль австрійскаго выступленія противъ Сербіи та, что *„при этомъ должно было обнаружиться* дѣйствительно ли Россія намѣрена выполнить свою роль покровительницы южныхъ славянъ... Въ этомъ случаѣ вопросъ шелъ о жизненномъ интересѣ Германіи".

Что германскому правительству абсолютно нечего было обнаруживать, что выставленная причина не болѣе, какъ неудачный предлогъ, видно не только изъ бѣлой книги, гдѣ сказано: *„Мы вполнѣ сознавали,* что какое либо военное выступленіе Австріи противъ Сербіи вызоветъ на первый

планъ Россію", но еще больше, изъ ноты канцлера правительствамъ союзныхъ германскихъ государствъ, разосланной 15/28-го іюля. Въ этой нотѣ канцлеръ пишетъ буквально: „Если Россія думаетъ, что въ этомъ конфликтѣ она обязана заступиться за Сербію, то это само по себѣ, *конечно, совершенно справедливо*".

А, какъ примѣрный нелогическій выводъ этого полнаго сознанія и признанія справедливости вмѣшательства Россіи, слѣдующее заключеніе этой ноты:

„Если бы, вопреки надеждамъ (?), вмѣшательствомъ Россіи очагъ пожара расширился, то мы, вѣрные нашимъ союзнымъ обязательствамъ, должны поддержать сосѣднюю монархію всей силой нашей имперіи".

Эта же самая нота, имѣющая въ заголовкѣ многозначительное „Vertraulich" (секретно, довѣрительно), до извѣстной степени подтверждаетъ курсировавшіе въ началѣ войны въ Германіи слухи, приписывавшіе всю эту, какъ выясняется изъ бѣлой книги, планомѣрную и сознательную провокацію войны *прусскому*, а не германскому правительству. Послѣднее оказало самое энергичное содѣйствіе въ началѣ конфликта, когда нужно было „создать общественное мнѣніе" въ пользу Австріи, но войны во чтобы то ни стало, какъ это ясно видно изъ ноты канцлера, *германское* правительство не хотѣло. За послѣднее 5-тилѣтіе Германія три раза добивалась своихъ цѣлей одними угрозами, заставлявшими противниковъ отступать и уступать, не доводя дѣла до войны. Возможно, что союзныя правительства и на этотъ разъ разсчитывали на страхъ Европы передъ бронированнымъ кулакомъ и лишь помогали „дѣлать шумъ", въ дѣйствительности же войны не желая. Нота канцлера, предупреждающая о неизбѣжности войны,—вопреки здравому смыслу и признаваемой справедливости Россіи,—явилась неожиданностью для союзныхъ государствъ и нѣкоторыя изъ нихъ запротестовали. Въ Германіи упорно говорятъ объ особенно энергичномъ телеграфномъ протестѣ Баваріи. Упорно также

говорятъ, что желаніе поставить союзниковъ передъ совершившимся фактомъ было одной изъ причинъ такого неожиданнаго не только для Европы, но и для самой Германіи объявленія войны. Посколько во всемъ этомъ правды, сейчасъ сказать нельзя, но на основаніи личныхъ наблюденій, мы утверждаемъ положительно, что нѣмецкій народъ дѣйствительно войны не хотѣлъ, и проявленное имъ потомъ единеніе есть не слѣдствіе воинственности тевтонскаго характера, а результатъ безпримѣрной въ исторіи человѣчества правительственной агитаціи, бившей по самому больному мѣсту нѣмцевъ—по ихъ карману.

2.

Прусское правительство хорошо сознавало, что современную войну *только* солдатами и пушками вести нельзя, а что для этого требуется могучая поддержка всего народа; послѣдняго же однѣми газетными статьями въ необходимости войны не убѣдишь. Для этого требуется несравненно бо̀льшій, чѣмъ газетный, авторитетъ и не только одни громкія слова, но и документы, подтверждающіе ихъ. Все это прусское правительство *создало* германскому народу. Главнымъ агитаторомъ явился самъ носитель короны—императоръ Вильгельмъ, и не только своими рѣчами и выѣздами, но, главнымъ образомъ тѣмъ, что народъ знакомили съ личной, почти интимной перепиской Вильгельма съ коронованными особами другихъ странъ, почти одновременно съ теченіемъ самой переписки. Наконецъ, народу дали подборъ офиціальныхъ дипломатическихъ документовъ, сгруппировавъ и освѣтивъ ихъ, нисколько не считаясь ни съ противорѣчіями, ни съ самой дѣйствительностью.

Исчерпать всѣ противорѣчія и несоотвѣтствія германской бѣлой книги, если сопоставить ея содержаніе съ документами, опубликованными въ такихъ же книгахъ остальныхъ заинтересованныхъ государствъ,—невозможно. Что ни

страница, что ни утвержденіе, то и несоотвѣтствіе съ дѣйствительностью. Но г. германскій канцлеръ, „по порученію его величества", 2-го сентября (20 августа) жаловался американцамъ, что на германское правительство всѣ клевещутъ, что его дѣйствія разбираются нарочито тенденціозно и что, поэтому, люди безпристрастные должны оцѣнивать Германію и ея правительство съ крайней осторожностью, пользуясь для этого нѣмецкими источниками. Въ цѣляхъ полнѣйшаго безпристрастія мы и будемъ пользоваться документами почти исключительно германской бѣлой книги и нѣмецкой печати, причемъ, оговариваемся, что даже и этотъ, ограниченный матеріалъ, мы используемъ лишь въ незначительныхъ размѣрахъ, за невозможностью использовать его полностью.

Въ той-же, уже нами цитированной статьѣ „Norddeutsche Allgemeine Zeitung", отъ 18/31-го іюля невольно бросается въ глаза напечатанная жирнымъ шрифтомъ фраза: „Нашему союзнику *мы совѣтовали проявить* всякую, согласующуюся съ его достоинствомъ у с т у п ч и в о с т ь". Что, собственно, германское правительство подразумѣвало подъ понятіемъ достоинство—видно будетъ ниже, но и самая суть этого утвержденія противорѣчитъ бѣлой книгѣ, гдѣ по этому же поводу сказано: „Въ сознаніи, что въ игрѣ поставлены жизненные интересы Австріи, *мы не могли совѣтовать нашему союзнику быть уступчивымъ*". Статья напечатана 18-го іюля, бѣлая книга закончена 20-го. Какой варіантъ болѣе отвѣчаетъ дѣйствительности видно изъ отношенія германскаго правительства, какъ къ русскому предложенію о продленіи Австріей срока, даннаго Сербіи на отвѣтъ на ультиматумъ, такъ и къ предложенію сэра Грея о медіаціи. О первомъ предложеніи въ германской бѣлой книгѣ и намека нѣтъ, что касается второго, то о немъ въ бѣлой книгѣ сказано: „По поводу этого предложенія мы объяснили, что, хотя *мы очень одобряемъ цѣль его*, принять участіе въ подобной конференціи не можемъ, такъ какъ не

можемъ ставить Австрію въ ея спорѣ съ Сербіей передъ европейскимъ судомъ".

Въ германской бѣлой книгѣ официальные документы напечатаны позади текста, послѣдній имѣетъ на поляхъ ссылки: приложеніе (Anlage) № такой-то. Противъ только что цитированнаго мѣста имѣется указаніе на оправдательный документъ № 12. Приводимъ этотъ документъ:

Телеграмма имперскаго канцлера послу въ Лондонѣ. отъ 27 (14) іюля:

„О предложеніи сэра Эдуарда Грея создать въ Лондонѣ четверную конференцію, здѣсь, пока, ничего не извѣстно. Для насъ невозможно тащить (zu ziehen) нашего союзника въ его спорѣ съ Сербіей на европейскій судъ. Наше посредничество должно ограничиться опасностью австро-русскаго конфликта".

И все. Эта-то рѣзкая, высокомѣрная телеграмма, посланная еще до полученія предложенія сэра Грея,—должна подтвердить и мирныя намѣренія Германіи и „очень одобряемъ" цѣль предложенія сэра Грея.

Телеграмма имперскаго канцлера *послу въ Римъ* отъ 31 (18) іюля 1914 г.

„Мы безпрерывно посредничаемъ между Россіей и Австро-Венгріей, какъ непосредственнымъ обмѣномъ телеграммами его величества императора съ Его Величествомъ Государемъ Императоромъ, такъ и въ соприкосновеніи съ сэромъ Эдуардомъ Греемъ. Русская мобилизація очень затруднила, если не сдѣлала совершенно невозможными наши старанія. Несмотря на успокоительныя завѣренія, Россія, по всѣмъ полученнымъ свѣдѣніямъ, принимаетъ также и противъ насъ такія обширныя мѣры, что положеніе становится все болѣе угрожающимъ".

Эта телеграмма *нѣмецкому послу въ Италіи*, не принимавшей почти никакого участія въ конфликтѣ и переговорахъ, посланная 31/18-го іюля, когда Германія была уже

объявлена на военномъ положеніи, когда Россіи уже былъ поставленъ ультиматумъ разоружиться, и когда собственная мобилизація на восточной границѣ, какъ это видно будетъ ниже, уже была закончена,—эта телеграмма должна подтвердить нѣмецкому народу слѣдующее утвержденіе его правительства:

„Плечемъ къ плечу съ Англіей мы непрерывно работали надъ посредническими дѣйствіями и поддерживали (unterstützt) въ Вѣнѣ всякое предложеніе, отъ котораго мы могли надѣяться, что оно приведетъ къ мирному разрѣшенію конфликта".

Отмѣтимъ, кстати, слѣдующее характерное обстоятельство. Публикуя всевозможные, подчасъ совсѣмъ неинтересные, документы, прусское правительство не приводитъ ни одной строчки изъ своей переписки съ Вѣной и даже съ вѣнскимъ посломъ своимъ. А между тѣмъ характеръ этой переписки, *если она была*, гораздо болѣе могъ бы убѣдить, въ какой формѣ „старалось" германское правительство и въ чемъ сказалась его посредническая роль,—не въ Петербургѣ, конечно, а въ Вѣнѣ. Но объ этомъ, какъ сказано, въ бѣлой книгѣ и строчки нѣтъ.

Оговариваемся повторно: мы вовсе не разбираемъ насколько документы германской бѣлой книги отвѣчаютъ дѣйствительнымъ фактамъ и событіямъ,—въ этомъ смыслѣ они исключаютъ какую бы то ни было критику. Наша задача—показать какими средствами и пріемами германское правительство вводило и ввело въ заблужденіе нѣмецкій народъ. Въ этомъ отношеніи мы должны особенно выдѣлить слѣдующее:

Русская пословица увѣряетъ, что пуганая ворона и куста боится. Въ положеніи этой вороны былъ, до объявленія войны, нѣмецкій народъ. Изо дня въ день его пугали Россіей и устрашали русской мобилизаціей. Еще 14/27-го іюля въ газетахъ была напечатана телеграмма изъ Петербурга:

„Приказъ о мобилизаціи всѣхъ западныхъ военныхъ

округовъ, въ томъ числѣ и петербургскаго, уже вчера подписанъ. Россія намѣревается выставить въ полѣ армію въ два съ половиной милліона *) и немедленно же призвать осенній комплектъ".

Устрашающая и угрожающая Германіи русская мобилизація была главнымъ содержаніемъ газетныхъ статей и сообщеній. Преслѣдовалась вполнѣ опредѣленная цѣль—вбить въ сознаніе народа, что Германію вынуждаетъ къ войнѣ крайняя необходимость, что эта война для нея чисто защитная. И когда эта цѣль была достигнута, когда, доведенный, буквально, до безумія страхомъ и неизвѣстностью, народъ встрѣтилъ вѣсть объ объявленіи войны чуть ли не съ восторгомъ, какъ избавляющую его отъ ужаса неизвѣстности, когда наступилъ этотъ моментъ,—пришла и пора оправдаться передъ народомъ и фактами.

Въ сущности, все содержаніе бѣлой книги—сплошная жалоба на эту мнимую русскую мобилизацію, начавшуюся, будто бы, еще 12-го іюля. Это утверждается самымъ положительнымъ образомъ:

„Въ теченіе дня 26-го (13) іюля получились уже въ Берлинѣ первыя донесенія *о русской мобилизаціи*",—

увѣряетъ бѣлая книга.

Само собою разумѣется, что такое утвержденіе требуетъ особенно безспорныхъ доказательствъ, и бѣлая книга указываетъ, какъ на таковыя, на документы 6, 7, 8 и 9. Приводимъ эти документы дословно:

№ 6. Телеграмма посла въ Петербургъ имперскому канцлеру отъ 25 (12) іюля.

„Донесеніе его величеству отъ генерала фонъ-Хеліуса. Лагерный сборъ въ Царскомъ Селѣ внезапно прерванъ и полки возвращаются въ свои гарнизоны. Маневры отмѣнены. Ученики военныхъ училищъ произведены сегодня, вмѣсто осени, въ офицеры. Высту-

*) Шрифтъ подлинника.

щленіе Австро-Венгріи вызываетъ въ главной квартирѣ большое волненіе. Мое впечатлѣніе, что будутъ приняты всѣ мѣры къ мобилизаціи противъ Австріи".

№ 7. Телеграмма посла въ Петербургѣ канцлеру отъ 26 (13) іюля.

„Военный атташе проситъ передать генеральному штабу слѣдующее сообщеніе:

Считаю достовѣрнымъ, что для Кіева и Одессы отданъ приказъ о мобилизаціи. Относительно Варшавы и Москвы это еще сомнительно, а въ остальныхъ, вѣроятно, еще нѣтъ."

№ 8. Телеграмма консула въ Ковно канцлеру, отъ 27-го (14) іюля 1914.

„Ковно объявлено на военномъ положеніи".

№ 9. Телеграмма *императорскаго посланника въ Бернѣ* имперскому канцлеру, отъ 27-го (14) іюля 1914.

„Узнаю достовѣрно, что *Французскій* 14-ый корпусъ прервалъ маневры".

Изъ этихъ четырехъ документовъ только первые два относятся къ указанному числу—26/13 іюля и содержатъ личныя впечатлѣнія военнаго агента и непровѣренные слухи о начавшейся, будто, русской мобилизаціи. Третье и четвертое донесенія, во-первыхъ, датированы 27/14 іюля и имъ не мѣсто фигурировать, какъ доказательства событій 26-го числа, а, во вторыхъ, одно изъ нихъ говоритъ о военномъ положеніи, въ Ковно, а другое *отъ швейцарскаго посланника, о прерванныхъ маневрахъ французскаго 14-го армейскаго корпуса.* И это ошибка не случайная, а сознательная, такъ какъ, сославшись именно на эти документы, бѣлая книга продолжаетъ:

„Еще вечеромъ 26-го посламъ въ Лондонѣ, Парижѣ и Петербургѣ было поручено энергично указать правительствамъ Англіи, Франціи и Россіи на опасность этой мобилизаціи".

Но и кромѣ этого, на слѣдующей же страницѣ бѣлой книги напечатано дословно:

„27-го іюля поступили первыя донесенія о приготовленіяхъ также и Франціи. 14-ый армейскій корпусъ прервалъ маневры и возвратился въ свои казармы“.

Иными словами, одинъ и тотъ же документъ служитъ, помимо неправильности даты, на *одной страницѣ доказательствомъ русской, а на второй—доказательствомъ французской мобилизаціи.*

Въ связи съ другими „неточностями“, эта неточность самая крупная, самая сознательная. Русская мобилизація—это та сила, которая сплотила нѣмецкій народъ, заставила его повѣрить въ страшную опасность, угрожающую Германіи и въ необходимость, пока не поздно, предупредить и пойти ей на встрѣчу объявленіемъ войны, даже еще до объявленія войны Россіи Австріей, которой, вѣдь, только и касался весь конфликтъ и его послѣдствія.

Повторяемъ, перечислить всѣ несоотвѣтствія текста германской бѣлой книги съ подкрѣпляющими его документами—невозможно. Взять хотя бы документы 10-а и 10-б. По тексту они имѣютъ подтвердить цитированное выше: „энергичное указаніе правительствамъ Франціи и Россіи на опасность русской мобилизаціи“. Въ дѣйствительности же въ этихъ двухъ телеграммахъ канцлера и намека нѣтъ на русскую мобилизацію.

Но въ германской бѣлой книгѣ имѣется одна явная, сознательная неправда, выраженная въ одномъ словѣ, но оставляющая далеко позади себя всѣ отмѣченныя неточности и передержки.

3.

Со ссылкой на документъ № 26 (французскій текстъ объявленія войны), въ бѣлой книгѣ сказано:

„Императорскому, послу въ Петербургѣ было поручено, въ случаѣ, если въ теченіи назначеннаго (ультиматумомъ о демобилизаціи) срока русское правительство

не дастъ удовлетворительнаго отвѣта, заявить ему, что мы, послѣ отклоненія нашего требованія, находимся въ состояніи войны. Однако, еще до полученія отвѣта о томъ, что это порученіе выполнено, русскія войска уже пополудни 1-го августа (19-го іюля) перешли границы и вступили на нѣмецкую территорію. Этимъ Россія начала войну съ нами".

Офиціальное сообщеніе германскаго правительства, датированное 2-го августа (20 іюля) и опубликованное во всѣхъ газетахъ 3-го августа, сообщаетъ:

„Если бы отвѣтъ Россіи оказался недостаточнымъ, нѣмецкому послу поручено заявить русскому правительству, что мы находимся съ нимъ въ состояніи войны. Сообщеніе посла объ отвѣтѣ русскаго правительства не поступило. За то сегодня ночью главнымъ генеральнымъ штабомъ получены слѣдующія сообщенія:
1. Сегодня ночью послѣдовало нападеніе русскаго патруля на желѣзнодорожный мостъ черезъ Варту возлѣ Эйхенрида (участокъ Яротчинъ-Брешенъ). Нападеніе отбито. Со стороны нѣмцевъ двое легко раненыхъ. Потери русскихъ не выяснены. Предпринятое русскими движеніе на вокзалъ Милославъ было предотвращено.
2. Начальники станціи Іоганисбургъ и лѣсничества въ Бялѣ доносятъ что сегодня ночью (съ 1 на 2 августа) крупные русскіе отряды съ орудіями перешли границу у Швиддернъ (на юго-востокъ отъ Бялы), и что два эскадрона казаковъ ѣдутъ по направленію Іоганисбурга. Телефонъ Ликъ—Бяла прекратилъ дѣйствіе. Этимъ Россія нарушила территорію нѣмецкой имперіи и открыла войну."

Поскольку, вообще, оба эти сообщенія отвѣчаютъ дѣйствительности, мы здѣсь касаться не будемъ. Вопросъ: кто и когда фактически началъ войну—выясняется въ концѣ второй главы. Здѣсь мы только отмѣтимъ явную, сознательную неправду германской бѣлой книги, утверждающей,

что русскія войска перешли нѣмецкую границу 1-го августа (19-го іюля) послѣ полудня. Дѣло въ томъ, что въ тѣхъ-же №№ газетъ отъ 3-го августа (21 іюля) помѣщена слѣдующая телеграмма:

„Копенгагенъ, 2-го августа. Телеграфное бюро Ритцау сообщаетъ изъ Петербурга отъ 1-го августа: Германскій посолъ, отъ имени своего правительства, передалъ *въ 7 часовъ 30 минутъ* министру иностранныхъ дѣлъ объявленіе войны“.

Такимъ необычнымъ путемъ германское правительство сообщило своему народу объ объявленной войнѣ. Но это лишь къ слову. Главное же то, что если принять версію бѣлой книги, т, е., что русскіе „напали“ на Германію 1-го августа (19го іюля) послѣ полудня, то оказывается, что нападеніе это совершено русскими еще до объявленія Германіей войны и, стало быть, оправдываетъ и это дѣйствіе, и утвержденіе, что Германія воюетъ въ состояніи вынужденной самообороны (In aufgedrungener Nothwehr). Между тѣмъ, если руководствоваться офиціальнымъ сообщеніемъ германскаго генеральнаго штаба, т. е., что переходъ русскими нѣмецкой границы послѣдовалъ въ ночь съ 1-го на 2-е августа (19—20 іюля), то въ этомъ дѣйствіи, допуская даже, что оно дѣйствительно совершено (что болѣе, чѣмъ сомнительно, въ виду неожиданности объявленія войны), нѣтъ ничего криминальнаго. Разъ война объявлена въ 7 часовъ 30 минутъ вечера 1-го августа, то переходъ русскими пограничниками нѣмецкой границы въ ночь на 2-е августа лишь прямое и логическое слѣдствіе германскаго вызова.

Правда, бѣлая книга особенно подчеркиваетъ, что этотъ переходъ границъ послѣдовалъ до полученія отвѣта отъ посла, что данное ему порученіе — объявленіе войны — выполнено; словно и за эту медлительность нѣмецкаго дипломата повинно также русское правительство. Но въ тѣхъ же №№ газетъ, отъ 3-го августа, рядомъ съ приведенными выше

сообщеніями о „нападеніи“ русскихъ,— напечатано еще одно германское правительственное сообщеніе:

„Малый крейсеръ „Аугсбургъ“ сообщаетъ по безпроволочному телеграфу, отъ 9-ти часовъ вечера (1-го августа): „Бомбардирую военный портъ Либаву. Сражаюсь съ непріятельскимъ крейсеромъ. Разбросалъ мины. Военный портъ Либава горитъ“.

Стало быть, отсутствіе донесенія посла не задержало германскаго нападенія на Россію, нападенія, послѣдовавшаго почти одновременно съ объявленіемъ войны, когда отъ посла никакой телеграммы *и не могло быть*. Но объ этомъ ниже.

Мы ограничиваемся сказаннымъ въ подтвержденіе нашего взгляда, что составители германской бѣлой книги руководствовались не дѣйствительностью, а психологическимъ моментомъ. Вся цѣль была усилить окраску, придать ей возможно яркій свѣтъ опасности, оправдать себя передъ нѣмецкимъ народомъ, побудить его стать своимъ соучастникомъ. Въ тотъ моментъ народъ ни въ чемъ разобраться не могъ, онъ искалъ только авторитетнаго подтвержденія своего испуга и его слѣдствій, и это подтвержденіе, пользуясь его состояніемъ, дало ему своей бѣлой книгой прусское правительство.

4.

Мы не можемъ закончить эту главу, не упомянувъ въ особицу одного изъ представителей этого правительства. Мы имѣемъ въ виду германскаго военнаго атташе въ Петербургѣ, генерала фонъ Хеліуса. Фаворитъ императора Вильгельма, состоящій съ нимъ въ непосредственной перепискѣ, онъ, своими донесеніями, много содѣйствовалъ этой страшной войнѣ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что именно его донесенія послужили основаніемъ къ тому, мало сказать уничижительному, а прямо презрительному отношенію къ Россіи вообще, и Россіи военной въ особенности. Несо-

мнѣнно, что его донесенія помогали прусскому правительству сначала пугать свой народъ Россіей, а потомъ, когда оно добилось цѣли, успокаивать тотъ же народъ дикими сообщеніями, рисующими Россію и ея военную мощь какъ нѣчто меньшее даже, чѣмъ Quantité négligeable. Его алармистскія сообщенія, а главное, освѣщеніе и комментаріи, которыми онъ ихъ сопровождалъ, привели съ такой стремительностью къ роковой развязкѣ.

Мы привели уже выше два его донесенія отъ 25 и 26 іюля. 27-го (14) г. фонъ Хеліусъ прислалъ слѣдующее сообщеніе о разговорѣ своемъ съ русскимъ военнымъ министромъ:

„Сазоновъ просилъ послѣдняго объяснить мнѣ положеніе дѣлъ. Военный министръ далъ мнѣ свое честное слово, что еще никакого приказа о мобилизаціи не послѣдовало. Принимаются исключительно лишь подготовительныя мѣры, но ни одинъ запасный не призванъ, ни одна лошадь не поставлена. Если Австрія переступитъ сербскую границу, будутъ мобилизованы военные округа, примыкающіе къ австрійской границѣ: Кіевъ, Одесса, Москва и Казань. Округа, примыкающіе къ нѣмецкому фронту — ни въ какомъ случаѣ. Настойчиво хотятъ мира съ Германіей“.

Это ясное и откровенное объясненіе, подкрѣпленное честнымъ словомъ боевого генерала, генералъ фонъ Хеліусъ сопроводилъ слѣдующей припиской:

„На мой вопросъ, какая цѣль мобилизаціи противъ Австріи,—послѣдовало пожатіе плечъ и указаніе на дипломатію“.

29-го (16) іюля г. фонъ Хеліусъ прислалъ новое донесеніе, которое мы приведемъ цѣликомъ:

„Начальникъ генеральнаго штаба попросилъ меня къ себѣ и сообщилъ, что онъ только что вернулся отъ Его Величества. Военный министръ поручилъ ему вторично подтвердить мнѣ, что все осталось въ томъ же

положеніи, какъ это сообщилъ мнѣ два дня тому назадъ самъ министръ. Онъ предложилъ мнѣ письменное подтвержденіе и далъ мнѣ свое честное слово въ торжественной формѣ, что нигдѣ еще мобилизація, т. е. призывъ хотя бы одного запаснаго и поставка хотя бы одной лошади, до настоящей минуты, 3 часа пополудни, не послѣдовала. Онъ не можетъ ручаться за будущее, но настойчиво подтверждаетъ, что на фронтахъ, прилегающихъ къ нашей границѣ Его Величествомъ никакая мобилизація не желательна. Сюда, однако, поступаютъ многочисленныя извѣстія о призывѣ запасныхъ разныхъ областей, также въ Варшавѣ и Вильнѣ. Я поэтому указалъ генералу, что его сообщенія являются для меня загадкой. Словомъ офицера (auf Offiziersparolle) онъ увѣрилъ меня, что эти свѣдѣнія невѣрны, хотя и возможно, что кое-гдѣ и была ложная тревога.

Принимая въ соображеніе многочисленныя положительныя извѣстія о послѣдовавшемъ призывѣ, *я долженъ разсматривать этотъ разговоръ, какъ попытку обмануть насъ* относительно размѣра принятыхъ до сихъ поръ мѣръ".

Когда кончится война, г. фонъ Хеліусъ, конечно, получитъ достойное возмездіе за свою дерзкую выходку противъ русской арміи, но и свой, нѣмецкій народъ не долженъ забывать этого господина въ своихъ молитвахъ... Эта телеграмма, по всѣмъ видимостямъ, была главной причиной такого неожиданнаго объявленія войны.

ГЛАВА II.

Императоръ Вильгельмъ.

„Теперь начнемъ же мы ихъ молотить!". Телеграфная переписка съ Государемъ Императоромъ. Начало нѣмецкой мобилизаціи на русской границѣ. Телеграфная переписка съ королемъ Георгомъ. Обмѣнъ телеграммами Государя Императора съ королемъ Георгомъ.

1.

Во всемъ сказанномъ, однако, не видно еще какую роль сыграло въ переживаемой всемірной трагедіи главное дѣйствующее лицо, безъ крупнѣйшаго участія котораго она, конечно, не могла-бы разыграться. Мы говоримъ объ императорѣ Вильгельмѣ.

12 часовъ пополудни 22-го іюля (4 августа). Бѣлый залъ берлинскаго дворца постепенно наполняется. Первымъ является канцлеръ. Онъ въ военномъ мундирѣ, съ оранжевой лентой поверхъ него. Канцлеръ очень серьезенъ; военный министръ, наоборотъ, сіяетъ. Спокойный, серьезный Мольтке человѣкъ минуты; маленькій, меньше всѣхъ въ этой залѣ, министръ Яговъ въ придворной формѣ; австрійскій посолъ, посолъ американскій, въ простомъ фракѣ, безъ всякихъ украшеній. Въ глубинѣ одной изъ нишъ три японскихъ офицера, молчаливые, таинственные, какъ и знаки на ихъ мундирахъ. Только депутатовъ мало—150, много—180 человѣкъ. Сѣдой Кемпфъ, Бассерманъ, много центра, ни одного соціалиста. Приходитъ, предводимый канцлеромъ, союзный совѣтъ и занимаетъ лѣвую подковы, образующейся вокругъ трона. На галлереѣ появляется императрица, кронпринцесса, много другихъ принцессъ и дамъ. Канцлеръ отправляется съ докладомъ. Входитъ императоръ. Онъ въ походной формѣ, въ коричневыхъ сапогахъ съ отворотами.

Кричатъ три раза ура! Молчаніе. Товарищъ министра, Ваншаффе, передаетъ тронную рѣчь. Императоръ читаетъ отрывисто, по военному, сначала едва слышно, невнятно, потомъ все сильнѣе и громче, потрясая рукой. *) Нарочито театральную минуту надо и закончить нарочито театрально. Вдругъ, не кончивъ рѣчи, императоръ бросаетъ бумагу позади себя на тронъ и говоритъ уже отъ себя:

„Вы читали, господа, что я сказалъ моему народу съ балкона моего дворца. Я повторяю: я не знаю больше партій я знаю только нѣмцевъ. Въ свидѣтельство того, что вы твердо рѣшили безъ различія партій, безъ различія сословій и вѣроисповѣданій идти вмѣстѣ со мной сквозь огонь и воду (durch dick und dünn), сквозь нужду и смерть,—я приглашаю представителей партій выступить впередъ и пожатіемъ руки подтвердить мнѣ этотъ обѣтъ".

Началось дефилированіе депутатовъ, пожимавшихъ протянутую руку. Послѣднимъ подошелъ лейпцигскій депутатъ, націоналъ-либералъ ванъ-Галкеръ, бывшій въ формѣ маіора гвардейскаго ополченія. Императоръ пристально посмотрѣлъ на ванъ-Галкера, и, пожавъ ему руку, вдругъ, сжавъ кулакъ, сдѣлалъ имъ движеніе, какъ ударъ къ низу. „Теперь, однако, начнемъ мы ихъ молотить!" (Nun, aber, wollen wir sie dreschen) воскликнулъ онъ, кивнулъ головой и ушелъ.

По существу, столь же необдуманный, сколь и грубый возгласъ этотъ ясно опредѣляетъ роль императора Вильгельма во всемірной трагедіи. Добился человѣкъ цѣли и радуется... И, какъ всегда бываетъ при большой радости, и здѣсь чувство взяло верхъ надъ благоразуміемъ, ибо одинъ этотъ возгласъ злорадства совершенно уничтожаетъ всѣ увѣренія императора въ миролюбіи и въ стремленіи сохранить европейскій миръ.

---

*) Сообщеніе г. Paul Ludwig „Berl. Tagebl."

Впервые императоръ Вильгельмъ выступилъ открыто на сцену 15/28 іюля, пославъ Государю Императору телеграмму слѣдующаго содержанія:

„Съ сильнѣйшимъ безпокойствомъ слышу я о впечатлѣніи, произведенномъ въ Твоей странѣ выступленіемъ Австро-Венгріи противъ Сербіи. Сомнительная агитація, ведущаяся Сербіей годами, привела къ возмутительному преступленію, жертвой котораго сталъ эрцгерцогъ Францъ-Фердинандъ. Духъ, допустившій сербовъ убить собственнаго короля и его супругу, еще и понынѣ господствуетъ въ этой странѣ. Безъ сомнѣнія, Ты согласишься со мной, что Мы оба, Ты и я, какъ и всѣ монархи, имѣемъ общій интересъ настоять на томъ, чтобы всѣ тѣ, кто морально отвѣтственъ за это отвратительное убійство, понесли заслуженное ими наказаніе.

Съ другой стороны, я ни въ какомъ случаѣ не упускаю изъ виду, какъ трудно для Тебя и Твоего правительства противостоять теченіямъ общественнаго мнѣнія. Помня сердечную дружбу, столь долгое время связывающую насъ крѣпкимъ союзомъ,—я употребляю все мое вліяніе, чтобы побудить Австрію постараться откровенно и удовлетворительно сговориться съ Россіей. Я увѣренно надѣюсь, что Ты поддержишь меня въ моихъ стараніяхъ устранить всѣ затрудненія, какія еще могутъ возникнуть.

Твой совершенно искренный и преданный другъ и кузенъ, Вильгельмъ“.

Эта телеграмма, придающая такой благородный и невинный характеръ австрійскому набѣгу на Сербію, не содержитъ никакихъ указаній въ чемъ заключались „старанія“ императора Вильгельма. Въ бѣлой книгѣ тоже нѣтъ и намека на эти старанія. За то въ двухъ телеграммахъ нашего посла въ Берлинѣ, отъ 14/27 іюля сообщается: въ первой:

„На мою (посла) просьбу болѣе настоятельно посовѣ-

товать Вѣнѣ идти въ примирительномъ направленіи, онъ (германскій министръ иностранныхъ дѣлъ) отвѣтилъ, что не можетъ совѣтовать Австріи уступать.

Въ другой телеграммѣ, отъ того же 14/27 іюля, нашъ посолъ, изложивъ предложеніе своего французскаго коллеги, Камбона, германскому министру иностранныхъ дѣлъ, Ягову: „Присоединиться къ совѣту державъ Вѣнѣ воздержаться отъ всякаго акта, который ухудшилъ бы существующее въ настоящій моментъ положеніе вещей"—сообщаетъ:

„Яговъ отнесся къ предложенію рѣзко отрицательно".

Со стороны германскаго правительства отвѣты эти вполнѣ послѣдовательны, они согласуются съ твердо-каменными положеніями бѣлой книги: „Мы не могли совѣтовать нашему союзнику быть уступчивымъ", „увѣрили его, что одобримъ всякое его дѣйствіе", и „предоставили Австріи полную свободу дѣйствій противъ Сербіи". Но эти отвѣты германскаго министра нашему послу 14/27 іюля получаютъ особый интересъ, въ сопоставленіи съ телеграммой императора Вильгельма, отъ 15/28 іюля.

Тѣмъ не менѣе, конечно, сомнѣваться въ то время въ чистосердечіи Вильгельма нельзя было и 16/29 іюля Государь Императоръ отвѣтилъ слѣдующей телеграммой:

„Я радуюсь твоему возвращенію въ Германію. Въ этотъ серьезный моментъ Я усиленно прошу тебя помочь Мнѣ. Позорная война объявлена слабой странѣ и возмущеніе этимъ, которое Я вполнѣ раздѣляю, въ Россіи ужасное. Я предвижу, что очень скоро Я не буду въ состояніи противостоять давленію, производимому на Меня и буду вынужденъ принять мѣры, которыя приведутъ къ войнѣ. Чтобы отклонить такое несчастіе, какъ европейская война, Я прошу тебя, во имя Нашей старой дружбы сдѣлать все для тебя возможное, чтобы удержать твоего союзника заходить далеко".

Въ тотъ же день императоръ Вильгельмъ отвѣтилъ про-

странной депешей полемическаго характера, сводящагося къ тому, что, „по моему мнѣнію, Россіи вполнѣ возможно оставаться зрительницей австро-сербской войны“ и „я думаю, что непосредственное соглашеніе между Россіей и Австріей возможно и желательно,—соглашеніе, которое мое правительство старается добиться всѣми силами“.

Насколько послѣднее утвержденіе отвѣчало дѣйствительности видно изъ приведенныхъ выше отвѣтовъ Ягова, но самое любопытное въ этой телеграммѣ совсѣмъ неожиданный конецъ ея:

„Разумѣется, военныя мѣры Россіи, могущія быть Австро-Венгріей поняты, какъ угроза, могутъ ускорить несчастіе, котораго мы желаемъ избѣжать, и подкопать (untergraben) мое положеніе посредника, которое я, по Твоему призыву къ моей дружбѣ и помощи, охотно взялъ на себя“.

Отмѣтимъ здѣсь, кстати, маленькую „неточность“. Никто не просилъ посредничества императора Вильгельма. Онъ самъ, въ телеграммѣ 15/28 іюля, сообщилъ о взятой на себя роли и просилъ поддержки. Тѣмъ не менѣе, это не мѣшаетъ Вильгельму, какъ въ этой, такъ и въ послѣдующихъ телеграммахъ упорно утверждать, что роль посредника онъ взялъ на себя „по просьбѣ и дружбѣ“.

Но это лишь штрихъ. Существенное же—это предложеніе Вильгельма Россіи не предпринимать никакихъ военныхъ мѣръ предосторожности...

На другой день, 17—30 іюля, императоръ Вильгельмъ еще настойчивѣе возвращается къ этой темѣ, прибѣгая уже къ угрозамъ. Онъ телеграфируетъ:

„Моему послу поручено указать Твоему правительству на опасности и тяжелыя послѣдствія мобилизаціи; то же самое я сказалъ Тебѣ въ моей послѣдней телеграммѣ. Австро-Венгрія мобилизовала только противъ Сербіи и лишь часть своей арміи. Если Россія, какъ это устанавливаетъ Твое и Твоего правительства со-

общенія, мобилизуетъ противъ Австро-Венгріи, то этимъ становится рискованной, если не совершенно невозможной, моя посредническая роль, которую Ты дружески ввѣрилъ мнѣ и которую я взялъ на себя по Твоей настоятельной просьбѣ. Вся тяжесть рѣшенія лежитъ теперь на Твоихъ плечахъ, онѣ несутъ отвѣтственность за войну или миръ" *).

Въ тотъ же день Государь Императоръ телеграфировалъ императору Вильгельму въ отвѣтъ на его депешу:

„Сердечно благодарю тебя за скорый отвѣтъ. Сегодня вечеромъ Я посылаю Татищева съ инструкціями. Вступающія теперь въ силу военныя мѣры были рѣшены еще пять дней тому назадъ и именно изъ основаній самообороны противъ приготовленій Австріи. Отъ всего сердца надѣюсь, что эти мѣры не повліяютъ на твое положеніе посредника, которое Я очень высоко цѣню. Намъ нуженъ твой сильный нажимъ на Австрію, дабы она пришла къ соглашенію съ нами".

Однако, ни изъ приведенной телеграммы императора Вильгельма, ни изъ документовъ бѣлой книги не видно, въ чемъ состояли посредническія дѣйствія, какъ самаго Вильгельма, такъ и его правительства за три дня, протекшіе со времени отсылки первой телеграммы съ предложеніемъ своего посредничества. За то въ русской оранжевой книгѣ имѣется слѣдующій документъ, отъ того же 17/30 іюля:

Наканунѣ русскій министръ иностранныхъ дѣлъ поручилъ послу въ Берлинѣ передать германскому правительству, что

---

*) Любопытно отмѣтить, что въ германской бѣлой книгѣ имѣется лишь эта отвѣтная телеграмма. Телеграмма же Государя Императора, на которую послѣдовалъ этотъ отвѣтъ Вильгельма, почему то не опубликована. Нѣтъ также и сообщенія русскаго правительства о начатой мобилизаціи противъ Австріи. Очевидно, обнародованіе этихъ документовъ было не въ интересахъ германскаго правительства, и оно попросту замолчало ихъ.

„наилучшимъ способомъ использовать всѣ мѣры къ мирному разрѣшенію кризиса намъ представляются параллельные переговоры четверной конференціи и одновременно наши непосредственныя сношенія съ вѣнскимъ кабинетомъ. Мы полагаемъ, что послѣ уступокъ, сдѣланныхъ Сербіей, найти компромиссъ по остающимся пунктамъ разногласій не представлялось бы труднымъ, еслибъ Австрія проявила добрую волю, а Германія направила бы усилія въ томъ же примирительномъ направленіи".

Когда нашъ посолъ передалъ это предложеніе германскому министру иностранныхъ дѣлъ, послѣдній заявилъ, что

„находитъ наше предложеніе непріемлемымъ для Австріи".

Что, собственно, было для Австріи непріемлемаго въ этомъ предложеніи трудно догадаться, но главное въ этомъ отвѣтѣ,—открытое выступленіе Германіи въ роли патрона Австріи, безапеляціонно рѣшающаго, что для нея пріемлемо и что непріемлемо. Въ то же время, отвѣтъ этотъ даетъ вполнѣ ясное представленіе о характерѣ посредничества и стараній императора Вильгельма и его правительства о сохраненіи мира.

При такомъ исключительно упорномъ стремленіи германскаго правительства къ войнѣ, цѣль телеграммъ императора Вильгельма можетъ показаться загадочной, такъ какъ однимъ желаніемъ сохранить видимую невинность, объяснить ихъ, конечно, нельзя. Но если принять во вниманіе ходъ событій въ Германіи въ то время, то цѣль эта выясняется опредѣленно. Она, во первыхъ, должна была, такъ сказать, контрасигновать народу, что „мы",—какъ сказалъ въ своей тронной рѣчи Вильгельмъ,—„до послѣдняго момента старались отвратить эту крайность. Подъ натискомъ необходимой самообороны, съ чистымъ сердцемъ и чистыми руками беремся мы за мечъ" (bis zum letzten Augenblick

bemüht waren das Aeusserste abzuwenden. In aufgedrungener Nothwehr mit reinem Gewissen und reiner Hand ergreifen wir das Schwert). Когда народу говоритъ это въ исключительную минуту самъ носитель короны, ссылаясь при этомъ на свою же личную переписку, то какъ народу не вѣрить?..

Другая цѣль, преслѣдовавшаяся телеграммами Вильгельма, заключалась въ томъ, чтобы, подъ предлогомъ дружбы, усыпить Россію и напасть на нее врасплохъ со всѣми собранными силами. Это, отнюдь, не умозаключеніе, а прямой выводъ изъ фактовъ:

Приказъ о мобилизаціи германской арміи *былъ отданъ*, и *мобилизація фактически началась* 16/29-го іюля. Объ этомъ офиціозъ германскаго правительства, „Berliner Lokal Anzeiger", оповѣстилъ нѣмцевъ 17-го іюля. Преждевременное оповѣщеніе не согласовалось, конечно, съ мирными увѣреніями, и газету поспѣшили конфисковать, объяснивъ, что сообщеніе было выпущено „въ предвидѣньи (?!) всякихъ возможностей". Насколько такое изумительное объясненіе убѣдительно, распространяться не приходится, но, и помимо этого, *того же 17/30-го іюля* въ берлинскихъ газетахъ: „Berliner Neueste Nachrichten", Deutsche Zeitung", „Deutsche Nachrichten, „Deutsche Warte" появились уже *сообщенія съ мѣстъ о мобилизаціи 1-го* (восточная Пруссія), *5-го* (Познань) *и 17-го* (Силезія,—всѣ на русской границѣ) *армейскихъ корпусовъ*. Правда, номера и этихъ газетъ были конфискованы полиціей за. . . грубое неприличіе (groben Unfuns), но, хотя и неприличныя, сообщенія эти, все таки, *устанавливаютъ съ несомнѣнностью, что мобилизація германской арміи, по крайней мѣрѣ на русской границѣ, началась еще 16/29 іюля*, т. е., за два дня до русской мобилизаціи и *одновременно съ личными увѣреніями императора Вильгельма* въ стараніяхъ сохранить миръ, чему, будто бы, мѣшаютъ военныя приготовленія Россіи. Это стремленіе усыпить противника увѣреніями въ искренней дружбѣ, лихорадочно подготовляя на-

паденіе на него,—крайне характерно для императора „рыцаря“.

Но, повторяемъ, въ то время въ Россіи и подозрѣвать не могли о такомъ вѣроломствѣ, и 18/31 іюля Государь Императоръ телеграфировалъ Вильгельму:

„Сердечно благодарю тебя за твое посредничество, оставляющее надежду, что все еще можетъ кончиться мирно. Невозможно технически остановить наши военныя приготовленія, ставшія необходимыми въ виду австрійской мобилизаціи. Мы очень далеки отъ желанія воевать. Покуда переговоры съ Австріей относительно Сербіи продолжаются, — Мои войска не предпримутъ никакого вызывающаго дѣйствія. Въ этомъ Я даю тебѣ Мое торжественное слово. Я уповаю со всей силой на милость Божью и надѣюсь на успѣхъ твоего посредничества въ Вѣнѣ, ко благу нашихъ странъ и европейскаго мира“.

Съ этой телеграммой скрестилась депеша императора Вильгельма, отъ того же 18/31 іюля:

„По Твоему призыву къ моей дружбѣ и по Твоей просьбѣ о помощи, я взялъ на себя посредничество между Твоимъ и австро-венгерскимъ правительствами. Еще во время хода этого дѣйствія, Твои войска были мобилизованы противъ находящейся со мной въ союзѣ Австро-Венгріи, чѣмъ мое посредничество стало почти иллюзорнымъ. Несмотря на это, я его продолжалъ. Теперь я получаю достовѣрныя извѣстія о серьезныхъ военныхъ приготовленіяхъ также и на моей восточной границѣ. Отвѣтственность за безопасность моей имперіи вынуждаетъ меня къ оборонительнымъ мѣрамъ. Въ своихъ стараніяхъ сохранить общій миръ я дошелъ до крайнихъ границъ возможнаго. Не я несу отвѣтственность за то несчастіе, какое теперь грозитъ всему цивилизованному міру. Еще въ этотъ моментъ въ Твоихъ рукахъ его отвратить. Никто не угрожаетъ *чести и*

могуществу Россіи, которая великолѣпно могла бы обождать успѣха моего посредничества. Завѣщанная мнѣ моимъ дѣдомъ, на его смертномъ одрѣ, дружба къ Тебѣ и Твоей странѣ была мнѣ всегда священна и я всегда вѣрно стоялъ за Россію, когда она бывала тяжко стѣснена; особенно въ послѣднюю войну. Миръ Европы можетъ еще быть поддержанъ Тобою, если Россія рѣшитъ пріостановить свои военныя мѣры, угрожающія Германіи и Австро-Венгріи".

Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что эта послѣдняя попытка добиться разоруженія Россіи была предпринята въ то самое время, когда Германія не только была уже готова къ войнѣ, но, какъ это будетъ видно ниже, *отданъ уже былъ приказъ напасть на Россію.* Повидимому, это безповоротное рѣшеніе заставило императора Вильгельма одновременно съ отсылкой телеграммы сдѣлать попытку обезопасить себя со стороны Франціи и Англіи.

30/17-го іюля принцъ Гейнрихъ Прусскій отправилъ королю Георгу англійскому телеграмму, слѣдующаго содержанія:

„Я со вчерашняго дня здѣсь. То, что ты въ прошлое воскресенье такъ дружески сказалъ мнѣ въ букингэмскомъ дворцѣ я передалъ Вильгельму, который съ благодарностью принялъ свое сообщеніе".

„Вильгельмъ очень озабоченъ; дѣлаетъ крайнее, работая, по просьбѣ Россіи, надъ сохраненіемъ мира. Онъ находится въ непрерывномъ телеграфномъ сношеніи съ Россіей, откуда сегодня получилось подтвержденіе, что тамъ приняты военныя мѣры, равносильныя мобилизаціи и что эти мѣры выполнены уже 5 дней тому назадъ" *).

*) Мы считаемъ необходимымъ отмѣтить и здѣсь крайне характерную неточность, даже въ этой телеграммѣ члена императорской фамиліи. Въ подлинной телеграммѣ, на которую ссылается принцъ Гейнрихъ, сказано буквально: „Die *jetzt in Kraft tretenden* militärische Massnahmen sind schon vor 5 Tagen *beschlossen worden*, und zwar aus

„Кромѣ того, мы получаемъ извѣстія, что Франція приступила къ военнымъ приготовленіямъ, въ то время, какъ мы не принимаемъ никакихъ мѣръ, къ чему мы, между тѣмъ, можемъ быть вынуждены, если наши сосѣди будутъ также продолжать. Это будетъ означать европейскую войну. Если ты дѣйствительно и искренно желаешь отвратить это ужасное несчастіе, — могу-ли я предложить тебѣ употребить твое вліяніе на Францію, а также и на Россію, чтобы онѣ остались нейтральными. На мой взглядъ, это принесетъ большую пользу. Я считаю это вѣрной и, быть можетъ, единственной возможностью сохранить миръ. Я хотѣлъ бы еще добавить, что теперь, болѣе, чѣмъ, когда либо, Германія и Англія должны взаимно поддержать другъ друга, чтобы отвратить ужасное бѣдствіе, которое иначе кажется неизбѣжнымъ.

„Вѣрь мнѣ, что въ своихъ стремленіяхъ сохранить миръ, Вильгельмъ исходитъ изъ величайшей искренности. Однако, военныя приготовленія его двухъ сосѣдей могутъ, въ концѣ концовъ, вынудить его послѣдовать ихъ примѣру, чтобы обезопасить свою собственную страну, которая иначе останется беззащитной. *Я ознакомилъ Вильгельма съ моей телеграммой къ тебѣ*".

Вѣроятно и въ Англіи въ то время вѣрили искренности Вильгельма. Это видно изъ слѣдующаго отвѣта короля Георга тому же принцу Гейнриху:

„Спасибо за твою телеграмму. Очень радъ слышать о

Gründen der Verteidigung gegen die Vorbereitungen Oesterreichs". (Переводъ: *Вступающія теперь въ силу* военныя мѣры *были рѣшены* еще 5 дней тому назадъ и именно изъ основаній самообороны противъ приготовленій Австріи). Текстъ телеграммы принца Гейнриха: „Militärische Massnahmen *angeordnet hat,* welche einer Mobilmachung gleichkommen, und das diese Massnahmen schon vor 5 Tagen *getroffen wurden*". (Переводъ: *распорядился* о военныхъ мѣрахъ, равносильныхъ мобилизаціи и что эти мѣры *выполнены* уже 5 дней тому назадъ).

стараніяхъ Вильгельма сговориться съ Россіей о сохраненіи мира. Мое самое серьезное желаніе, чтобы такое несчастіе, которое потомъ и не исправишь, какъ европейская война было отвращено. Мое правительство дѣлаетъ все для него возможное, чтобы внушить Россіи и Франціи отсрочить дальнѣйшія военныя приготовленія, если Австрія удовольствуется занятіемъ Бѣлграда и сосѣднихъ областей, какъ залогъ удовлетворительнаго рѣшенія ея требованій, въ то время, когда другія страны пріостановятъ военныя приготовленія свои. Я надѣюсь на то, что Вильгельмъ направитъ свое большое вліяніе, чтобы побудить Австрію принять это предложеніе. Этимъ онъ докажетъ, что Германія и Англія работаютъ вмѣстѣ, чтобы отстранить то, что можетъ стать международной катастрофой. Пожалуйста, увѣрь Вильгельма, что я дѣлаю все и сдѣлаю все, что въ моихъ силахъ, чтобы поддержать европейскій миръ".

Отвѣтъ этотъ, очевидно, не удовлетворилъ Вильгельма и въ телеграммѣ королю Георгу, отъ 18/31-го іюля, онъ пробуетъ грозить:

„Очень благодаренъ за твое дружеское сообщеніе. Твои предложенія согласуются съ моими идеями и извѣстіями, полученными мною сегодня ночью, и которыя я сегодня передалъ дальше въ Лондонъ. Я получилъ сейчасъ отъ канцлера сообщеніе, что ему только что донесли, что сегодня ночью Россія распорядилась мобилизовать всю свою армію и флотъ. Тамъ даже не обождали результата моего посредничества, надъ которымъ я работаю, и оставили меня совершенно безъ всякихъ извѣстій. Я ѣду въ Берлинъ, чтобы озаботиться безопасностью моихъ восточныхъ границъ, гдѣ уже расположились сильные русскіе отряды".

Эта телеграмма, надо полагать, произвела впечатлѣніе, такъ какъ король Георгъ немедленно отвѣтилъ слѣдующей телеграммой:

„Большое спасибо за твою телеграмму вчерашней ночи. Я послалъ срочную телеграмму въ Россію, въ которой высказалъ свою готовность сдѣлать все, что въ моихъ силахъ, чтобы возобновить переговоры между заинтересованными державами“.

Телеграмма, о которой сообщаетъ король Георгъ, была имъ послана, но она осталась безрезультатной не по винѣ Россіи, или Англіи: объявленіе войны со стороны Германіи послѣдовало съ такой стремительностью, что уничтожило всѣ усилія даже коронованныхъ Особъ добыться мирнаго разрѣшенія кризиса.

Это стремительное объявленіе войны сопровождалось новымъ обмѣномъ телеграммами между императоромъ Вильгельмомъ и Государемъ Императоромъ, телеграфировавшемъ 19-го іюля (1-го августа).

„Я получилъ твою телеграмму. Я понимаю, что ты вынужденъ мобилизовать, но хотѣлъ бы имѣть отъ тебя такую-же гарантію, какую Я далъ тебѣ,—именно, что эти мѣры не означаютъ войну, и что Мы будемъ продолжать переговоры, ко благу Нашихъ странъ и общаго мира, который такъ дорогъ Нашимъ сердцамъ. Нашей старой, испытанной дружбѣ должно, съ Божіей помощью, удасться воспрепятствовать кровопролитію. Нетерпѣливо ожидаю, полный увѣренности, твой отвѣтъ.

На эту телеграмму императоръ Вильгельмъ отвѣтилъ: „Благодарю Тебя за Твою телеграмму. *Я* вчера *указалъ Твоему правительству* единственный путь, могущій еще остановить войну. Хотя я предложилъ дать мнѣ отвѣтъ сегодня къ полудню,—телеграмма моего посла съ отвѣтомъ Твоего правительства мнѣ еще не доставлена. Я поэтому вынужденъ мобилизовать мою армію. Немедленный, ясный и недвусмысленный отвѣтъ Твоего правительства единственный путь избѣжать безконечнаго бѣдствія. Пока я не получу этого отвѣта, я, къ моему огорченію, не въ состояніи обсуждать содержаніе Твоей

телеграммы. Я долженъ наисерьезнѣйше отъ Тебя потребовать, чтобы Ты тотчасъ же отдалъ Твоимъ войскамъ приказъ ни при какихъ обстоятельствахъ не допускать даже малѣйшаго нарушенія нашихъ границъ".

Помимо своего тона и содержанія, телеграмма эта замѣчательна еще тѣмъ, что, отправляя ее, императоръ Вильгельмъ не только зналъ, что къ моменту полученія телеграммы въ Петербургѣ, Россіи отъ его имени уже объявлена война, но онъ зналъ также, что *къ этому же времени военныя силы Германіи уже напали на Россію.* Мы не говоримъ о дѣйствіяхъ сухопутныхъ войскъ. Какъ ни поражаютъ своей противорѣчивостью нѣмецкія официальныя данныя о, якобы, враждебныхъ дѣйствіяхъ русскихъ пограничныхъ отрядовъ,—данныя эти говорятъ исключительно лишь о событіяхъ *ночи съ 19-го на 20-е іюля* (*1—2 августа*). Оставляя даже безъ возраженія эти, безусловно невѣрныя германскія сообщенія, остается безспорнымъ, не подлежащимъ никакому отрицанію и затушевыванію, слѣдующій фактъ.

Германскимъ посломъ въ Петербургѣ была объявлена Россіи война *19-го іюля* (*1-го августа*) *въ 7 часовъ 30 минутъ вечера.* Того же *19-го іюля* (*1-го августа*), *въ 8 часовъ 20 минутъ вечера, германскій крейсеръ, „Аугсбургъ", началъ обстрѣлъ Либавы. Ясно, что за эти 50 минутъ ни одна телеграмма не могла достичь командира крейсера.* Слѣдовательно, это *нападеніе на беззащитный, ничего не ожидавшій городъ послѣдовало по заранѣе отданному приказу.*

Стало быть, *война не только была предрѣшена, но былъ назначенъ и день и часъ нападенія на Россію.*

И это рѣшеніе было выполнено съ нѣмецкой точностью...

И невольно думается: какое счастье, что Россія, не послушавшись дружескихъ совѣтовъ императора „рыцаря", подготовилась на сушѣ и обезопасила свое балтійское побережье. Вѣдь не только о такомъ коварномъ нападеніи никто не помышлялъ, но и самое объявленіе войны явилось полной неожиданностью. Всего яснѣе это видно изъ теле-

граммъ, какими обмѣнялись Его Императорское Величество Государь Императоръ съ Его Величествомъ Королемъ Георгомъ.

Телеграмма, о которой король Георгъ упоминаетъ въ своей вышеприведенной депешѣ къ императору Вильгельму, имѣла слѣдующее содержаніе:

„Я долженъ предположить, что это серьезное рѣшеніе (русская мобилизація) есть слѣдствіе какого-то недоразумѣнія. Я очень хочу не терять ни одного случая, могущаго отвратить страшную катастрофу, угрожающую теперь всему міру. Поэтому я обращаюсь лично къ Вашему Величеству съ тѣмъ, чтобы происшедшее, по моему мнѣнію, недоразумѣніе было устранено, и открылся-бы путь къ переговорамъ. Если Вы съ этимъ согласны, я могу всѣми способами содѣйствовать тому, чтобы эта высокозначительная цѣль была достигнута. Я сдѣлаю все, что въ моихъ силахъ, чтобы прерванные переговоры между державами возобновились снова. Я надѣюсь, что Ваше Величество питаете то же желаніе, что и я сдѣлать все только возможное, чтобы сохранить общій миръ".

Въ тотъ-же день, 19-го іюля (1-го августа), Его Императорское Величество отвѣтилъ королю Георгу слѣдующей телеграммой:

Я охотно принялъ бы Ваше предложеніе, еслибъ сегодня вечеромъ германскій посолъ не вручилъ Моему правительству объявленіе войны. Со времени передачи Австрійскаго ультиматума въ Бѣлградѣ, Мое правительство направляло всѣ усилія найти мирное разрѣшеніе всѣхъ возбужденныхъ Австріей вопросовъ. Цѣль Австріи при этомъ дѣйствіи была—уничтожить Сербію, сдѣлать изъ нея вассальное государство. Еслибы Австрія осуществила свою цѣль, то это потрясло бы равновѣсіе на Балканахъ, что для Моей имперіи является вопросомъ жизни.

Каждое, къ этому вопросу относящееся, предложеніе Моего правительства Германіей и Австріей отклонялось. Лишь, когда благопріятный моментъ произвести давленіе на Австрію и побудить ее къ уступчивости прошелъ,—Германія проявила склонность къ посредничеству. Но даже и здѣсь она не внесла никакого твердаго предложенія. Австрійское объявленіе войны Сербіи вынудило Меня распорядиться о частичной мобилизаціи, хотя Мой военный совѣтъ, принимая во вниманіе угрожающее положеніе, совѣтовалъ Мнѣ общую мобилизацію, имѣя въ виду быстроту мобилизаціи Германіи, въ сравненіи съ Россіей. Мы были вынуждены къ этому рѣшенію вслѣдствіе общей мобилизаціи Австріи, обстрѣла ею Бѣлграда, сбора Австрійскихъ войскъ въ Галиціи и вслѣдствіе тайныхъ военныхъ приготовленій Германіи. Что Я поступилъ правильно доказываетъ непредвидѣнное объявленіе войны Германіей, явившееся для Меня совершенной неожиданностью, ибо Я далъ императору Вильгельму твердое обѣщаніе, что Мои войска не будутъ двинуты, пока переговоры о посредничествѣ будутъ продолжаться.

Въ этотъ серьезный часъ Я хотѣлъ-бы еще разъ сообщить Вамъ, что Я сдѣлалъ все, что было въ Моихъ силахъ, чтобы отвратить войну. Теперь, когда Меня вынудили воевать, Я надѣюсь, что Ваша страна не оставитъ Россію и Францію безъ своего содѣйствія. Благослови и храни Васъ Господь.

Но не только Россія и Англія не ожидали этого стремительнаго объявленія войны. Не ожидала этого, повидимому, и сама Австрія, иначе нельзя объяснить себѣ слѣдующее абсурдное положеніе:

Германія, все время настаивавшая на томъ, что она вынуждена къ войнѣ союзными обязательствами къ Австріи, которой, дескать, угрожаетъ Россія,—Германія объявляетъ войну Россіи за пять дней до того, какъ это дѣлаетъ сама,

якобы, въ опасности находящаяся Австрія. Послѣдняя, съ своей стороны, мотивируетъ свое объявленіе войны тѣми же опасностями и союзными обязательствами, но уже по отношенію къ Германіи. Текстъ австрійскаго объявленія войны слѣдующій:

„Принимая во вниманіе угрожающее отношеніе Россіи въ конфликтѣ между Австро-венгерской монархіей и Сербіей, а также въ виду факта, что, вслѣдствіе этого конфликта Россія, по сообщенію берлинскаго кабинета, *предполагала* открыть враждебныя дѣйствія противъ Германіи, почему послѣдняя находится съ названной державой въ войнѣ,—Австро-Венгрія считаетъ себя также въ состояніи войны съ Россіей".

Германія объявила войну Россіи за то, что она, будто, угрожала Австріи. Австрія объявляетъ войну Россіи за то, что она *думала* угрожать Германіи...

Къ моменту выхода книжки опубликованъ текстъ телеграмы Государя Императора, на отсутствіе которой въ германской бѣлой книгѣ указываетъ выноска на стр. 30. Сознательное сокрытіе отъ нѣмецкаго народа предложенія Его Величества, указывающаго прямой путь къ мирному разрѣшенію кризиса,—еще точнѣе опредѣляетъ отношеніе императора Вильгельма и его правительства къ своему-же, нѣмецкому, народу и цѣнность ихъ увѣреній въ любви къ миру и стремленіяхъ сохранить миръ.

Телеграмма Его Величества, посланная 16/29 іюля, имѣла слѣдующее содержаніе:

„Благодарю за вашу телеграмму, примирительную и дружескую, между тѣмъ, офиціальное сообщеніе, переданное сегодня вашимъ посломъ Моему министру было совершенно въ другомъ тонѣ. Прошу васъ объяснить это разногласіе. Было бы правильнымъ передать Австро-Сербскій вопросъ на на Гаагскую конференцію. Разсчитываю на вашу мудрость и дружбу.

ГЛАВА III.

Агитація.

Скандалъ у русскаго посольства. Организованныя демонстраціи. Агитація печати. Запугиваніе Россіей. Личная агитація императора Вильгельма.

1.

Крупный авторитетъ нѣмецкой военной науки, видный дѣятель германскаго генеральнаго штаба, фонъ-Бернгарди, въ своей статьѣ „Армія", развиваетъ тотъ взглядъ, что въ современной войнѣ, съ ея массовыми арміями и усовершенствованной техникой—быстрота дѣйствій обезпечиваетъ побѣду численно слабѣйшему надъ сильнѣйшимъ. Германскій министръ иностранныхъ дѣлъ, въ разговорѣ съ англійскимъ посломъ, Гошеномъ, также заявилъ, что преимущество Россіи въ численной силѣ ея арміи, а Германіи въ стремительности дѣйствій. Такая согласованность взглядовъ гражданскихъ и военныхъ руководителей Германіи, въ связи со ставшимъ нынѣ классическимъ изрѣченіемъ германскаго канцлера: „Not kennt kein Gebot" (нужда законовъ не знаетъ) вполнѣ объясняютъ матеріальную и оправдываютъ „моральную" цѣль телеграммъ императора Вильгельма. Она не удалась, потому что Россія не повѣрила увѣреньямъ, и потому, что на пути оказался неожиданный буферъ—Бельгія,— задержавшій натискъ германцевъ на цѣлый мѣсяцъ.

Но если эта цѣль телеграммъ императора Вильгельма не удалась, то вторая,—укрѣпить въ народѣ убѣжденіе, что война Германіи навязана, что она вынужденная, въ видахъ самообороны,—эта цѣль достигнута безусловно. Офиціальное бюро Вольфа оповѣстило объ обмѣнѣ телеграммъ

съ началомъ его. 18-го (31-го) іюля появился уже и текстъ телеграммъ, который долженъ былъ убѣдить нѣмцевъ, что не только правительство, но и самъ Вильгельмъ „старается" сохранить миръ. Этими телеграммами завершается та невѣроятная агитація, которую германское правительство повело съ перваго дня австро-сербскаго конфликта, и результаты которой превзошли, быть можетъ, ожиданія самихъ организаторовъ. Коротко эти результаты выражены въ одной, изъ многихъ рѣчей императора Вильгельма народу.

7 часовъ вечера 19-го іюля (1-го августа). День и часъ, когда германскій посолъ въ Петербургѣ объявилъ Россіи войну. Но народъ, конечно, не знаетъ еще этого. Несмѣтная толпа рвется ко дворцу, ее удерживаетъ конная полиція, закрывшая дворцовый мостъ. Вдругъ на балконѣ дворца появляются императоръ и императрица. Полиція моментально разступается, и толпа бросается къ балкону съ неистовыми криками и пѣніемъ патріотическихъ пѣсенъ. Кто-то, кто? такъ и остается неизвѣстнымъ,—кричитъ: Спокойно! и толпа моментально затихаетъ. Громко и отчетливо разносится по площади голосъ императора. Онъ говоритъ:

„Мой любезный народъ! Все, что составляетъ Германію, стоитъ теперь передъ моимъ домомъ. Всѣмъ, кто согрѣшилъ противъ меня, я прощаю. Я поднимаю мечъ въ надеждѣ на нашу добрую армію. Мы должны тѣсно объединиться, чтобы добиться побѣды" *).

Толпа была слишкомъ возбуждена, чтобы разобраться въ этихъ фразахъ. Обстановка, театральная манера говорить и то нервное напряженіе, въ которомъ искусственно держали народъ безпрерывно 8 дней,—сдѣлали свое дѣло. Повторилась

*) Эта рѣчь, затерявшаяся во множествѣ другихъ рѣчей императора Вильгельма, настолько характерна, что мы приводимъ подлинный текстъ ея: „Mein liebes Volk! Alles, was deutsch ist, steht jetzt vor meinem Haus! Allen, die sich an Mir vergangen, habe ich verziehen! Ich ziehe das Schwert im Vertrauen auf unser gutes Heer. Wir müssen fest zusamenhalten den Sieg zu erringen!"

одна изъ тѣхъ неописуемыхъ манифестацій, очевидцами которыхъ мы за эту недѣлю были не разъ. Этимъ, однако, представленіе не кончилось. Когда толпа поравнялась съ дворцомъ кронпринца, послѣдній тоже вышелъ на балконъ со всей семьей. Кронпринцъ имѣлъ на рукахъ своего младшаго сына, кронпринцесса прижимала къ себѣ двухъ старшихъ мальчиковъ. . . Взрослые кланялись народу, дѣти махали ручками. . . Мы повторяемъ, словами передать, что творилось въ этотъ моментъ съ народомъ—невозможно.

Это только штрихъ изъ картины агитаціи. По нему можно судить о средствахъ, какими одурманивали и ослѣпляли народъ, какъ мы уже сказали съ перваго дня австро-сербскаго конфликта.

Наши личныя наблюденія и переживанія ограничиваются, конечно, лишь однимъ крупнымъ центромъ. Но если ознакомиться съ нѣмецкими газетами того времени, то видно будетъ, что то, что нами наблюдалось въ одномъ пунктѣ было общимъ для всей Германіи.

Въ субботу, 12/25-го іюля, нѣмецкія газеты отпечатали текстъ австрійскаго ультиматума Сербіи, сопроводивъ его зажигательными статьями, переполненными грубѣйшей бранью противъ всего сербскаго народа. Но, что особенно обращало на себя вниманіе въ этихъ статьяхъ—это въ одинаковыхъ, почти, выраженіяхъ высказанная мысль, что Германія обязана „помочь“ своему союзнику разсчитаться „съ этимъ народомъ-убійцей, съ этой презрѣнной сволочью“ (mit diesem Mörder-Volk, mit diesen niederträchtigen Gesindel).

Эти статьи оказали свое дѣйствіе, настроеніе народа повысилось. Стало извѣстно, что ночью предполагается демонстрація. Любопытные и падкіе на уличныя зрѣлища нѣмцы высыпали на улицы. Появились какіе-то „ораторы“, собиравшіе вокругъ себя толпы народа. Намъ довелось лично слышать двухъ такихъ ораторовъ и мы,—въ то время, конечно, ничего не подозрѣвая, — не могли не удивиться тождественности ихъ рѣчей. Тема ихъ была Австрія

и Сербія, но составлены онѣ были такъ, что послѣ каждаго упоминанія о Сербіи сейчасъ же слѣдовала Россія. Впечатлѣніе получилось полное. Удалявшійся народъ говорилъ больше о Россіи, чѣмъ о Сербіи. Толпа все возрастала и часамъ къ 11-ти ночи главныя улицы стали почти непроходимыми. Полиція, нѣмецкая полиція, такъ ревниво охраняющая „уличное спокойствіе“ не мѣшала этому „безпорядку“, какъ не мѣшала она и упомянутымъ выше „ораторамъ“.

Вдругъ разнесся слухъ, что Сербія отвѣтила отказомъ на ультиматумъ Австріи и посланникъ послѣдней оставилъ Бѣлградъ. Толпа, среди которой мы находились, бѣгомъ бросилась къ зданію редакціи ближайшей газеты. Въ зеркальномъ окнѣ, освѣщенномъ электрическимъ фонаремъ, экстренная телеграмма огромными буквами подтверждала это извѣстіе. Вскорѣ послышались неистовые крики: Война! война! Это газетные мальчишки, продираясь сквозь толпу, раздавали, направо-налѣво, экстренныя телеграммы о только что прочитанномъ извѣстіи.

Неожиданно послышался отдаленный, глухой хоръ поющихъ голосовъ. Народъ, толпившійся у окна редакціи, въ ожиданіи дальнѣйшихъ извѣстій, бросился по направленію поющихъ и скоро соединился съ ними. Образовалось огромное шествіе, которое, подъ пѣніе „Deutschland, Deutschland über alles“, и „Die Wacht am Rhein“, двинулось къ зданіямъ иностранныхъ миссій.

Изъ кого состояла эта толпа? Много подростковъ, много черни, но и спокойный, солидный нѣмецкій Bürgethum принялъ самое дѣятельное участіе въ тѣхъ безобразныхъ сценахъ, какія разыгрались у посольствъ.

Вѣроятно, еще не забыто, что въ эту ночь, 12/25-го іюля, *когда абсолютно никакихъ поводовъ и причинъ не было*, толпа, въ часъ ночи подошла къ зданію русскаго посольства въ Берлинѣ и устроила враждебную демонстрацію. Вой, свистъ, крики: пфуй! Долой Россію!—раздавались среди ночи, опьяняя толпу.

Что дѣлала полиція? Ея было не мало среди толпы, очень много позади ея, но ни одного полицейскаго впереди.

Лучше всего отношеніе властей къ этимъ дикимъ сценамъ выясняется изъ оффиціальнаго сообщенія о нихъ германскаго правительства, опубликованнаго черезъ бюро Вольфа:

„При манифестаціяхъ прошлой ночи у зданія Императорскаго русскаго посольства раздавались, къ сожалѣнію, безтактные возгласы. Полиція *сейчасъ же* вмѣшалась. *Одинъ* манифестантъ арестованъ. Противъ повторенія подобныхъ случаевъ, *по возможности*, приняты мѣры.

Хорошъ этотъ *одинъ*, изъ тысячъ, арестованный манифестантъ, еще лучше „по возможности“ принятыя мѣры, но совсѣмъ великолѣпно это немедленное вступленіе полиціи. Безобразныя сцены у русскаго посольства въ эту ночь устраивались толпою три раза, въ теченіи трехъ часовъ.

А печать? Огромное большинство газетъ, описывая эти манифестаціи, сообщало о скандалахъ у русскаго посольства, какъ о чемъ то, входившемъ въ программу этого кричащаго патріотизма. Лишь нѣкоторыя осудили ихъ, и то въ формѣ добраго совѣта: ночью, дескать, полезнѣе спать, нежели кричать.

Въ ту же ночь происходили патріотическія манифестаціи во всѣхъ кафе и ресторанахъ. Кому знакома нѣмецкая жизнь, тотъ знаетъ, какъ эти „учрежденія“ переполнены по ночамъ. Во всѣхъ стонъ стоялъ отъ оглушительнаго, полупьянаго пѣнія патріотическихъ пѣсенъ. И тоже не обошлось безъ безобразныхъ сценъ. Въ Дрезденѣ толпа, буквально, выбросила на улицу изъ кафе Блешъ нѣсколькихъ русскихъ и французовъ, за отказъ ихъ принять участіе въ общемъ пѣніи. Въ Мюнхенѣ толпа разгромила до основанія кафе Грешера за то, что владѣлецъ потребовалъ для своего оркестра передышки отъ тѣхъ же патріотическихъ пѣсенъ.

О такихъ-же, не столь громкихъ, но не менѣе дикихъ сценахъ въ другихъ городахъ Германіи сообщали мѣстныя газеты.

Никто не задавался вопросомъ: если Сербія отвѣтила отказомъ на ультиматумъ Австріи, то почему патріотствовать и безумствовать по этому поводу должна Германія? Напротивъ, воскресныя газеты были переполнены описаніями этого патріотизма. Тонъ описаній былъ такой восторженный, что манифестаціи начали устраиваться уже и днемъ.

Что весь этотъ патріотизмъ и всѣ манифестаціи были организованы германскимъ правительствомъ доказывается не только благоволеніемъ къ нимъ полиціи, но, главнымъ образомъ тѣмъ, что *проявились и проводились они, по данному кѣмъ-то сигналу и какъ бы по утвержденной программѣ, одновременно по всей Германіи въ одинъ и тотъ же день, точнѣе—ночь субботы 12/25-го іюля.* Господинъ Бетманъ-Гольвегъ, какъ мы знаемъ изъ его ноты отъ 10-го іюля, предвидѣлъ непріемлемость для Сербіи австрійскихъ требованій и „по возможности" принялъ мѣры...

Начатыя 12/25-го іюля демонстраціи не прекращались вплоть до 19-го (1-го августа). Правда, 16-го іюля было издано распоряженіе, воспрещающее уличныя демонстраціи. Но, вызванное вмѣшательствомъ нѣмецкой соціалъ-демократіи, въ то время энергично выступившей противъ воинственныхъ замысловъ своего правительства,—распоряженіе и примѣнялось исключительно къ соціалъ-демократамъ. Демонстраціи же „патріотическія" не только не прекратились, но именно въ послѣдніе 4 дня приняли небывалые, невиданные въ Германіи размѣры.

Какую цѣль преслѣдовали эти демонстраціи? „Norddeutsche Allgemeine Zeitung" „съ радостью" (erfreulicherweise) видѣла въ нихъ „ясное выраженіе любви къ отечеству". Болѣе простодушный органъ саксонскаго правительства, „Dresdener Anzeiger", откровенно признавался 17/30-го іюля, что этотъ организованный патріотизмъ (patriotische Veran-

staltungen) необходимъ для того, чтобы придать націи огонь и размахъ, чтобы отчеканить въ ея душѣ что, выполняя наши союзническія обязательства, мы, въ то-же время, отстаиваемъ нашу собственную независимость".

2.

Само собою разумѣется, что одними демонстраціями достигнуть этой цѣли нельзя было, и на помощь имъ пришла печать. Не та печать, которую, главнымъ образомъ, знаетъ Россія, какъ „Berliner Tageblatt", „Vossische" и „Frankfurter Zeitung'и", поведеніе которыхъ въ то время было, сравнительно, корректное, а та огромная, консервативная, антисемитская, клерикальная, но больше всего желтая печать, прекрасно освѣдомленная о видахъ своего правительства, отчасти, по близости къ нему, отчасти, по получаемой субсидіи. Въ руководящихъ и спеціальныхъ статьяхъ, въ телеграммахъ, даже фельетонахъ народу выяснялись всѣ блага и блестящее экономическое положеніе, достигнутое Германіей за 40 лѣтъ мира. И вотъ этимъ благамъ грозитъ страшная опасность со стороны Россіи, намѣревающейся своими „казацкими полчищами" уничтожить „нашего союзника" только за то, что Австрія добивается наказанія убійцъ своего престолонаслѣдника. Весь набѣгъ Австріи на Сербію выставлялся какъ естественный, народу инстинктивно понятный, актъ справедливости и права потерпѣвшаго требовать возмездіе за преступленіе. Россія становится на сторону „убійцъ", она мобилизуетъ тайно, хочетъ неожиданно и вѣроломно напасть на Австрію, которой Германія, въ силу союзнаго договора, обязана оказать помощь. Далѣе сообщалось, что германское правительство и самъ императоръ, стремясь отвратить отъ народа страшное бѣдствіе, прилагаютъ всѣ усилія сохранить миръ, но всѣ эти усилія разбиваются объ упорство и коварство Россіи.

Чтобы дать представленіе о характерѣ газетной травли Россіи, приведемъ нѣкоторые образцы.

„Было время, когда Россія считалась оплотомъ монархизма, теперь она становится покровительницей цареубійцъ. Конечно, до сихъ подъ не доказано участіе Карагеоргіевичей въ убійствѣ Александра и Драги, но они водили дружбу съ убійцами, водятъ ее и теперь, и остаются друзьями Россіи. Новое цареубійство, къ которому прибавляется еще убійство женщины, падаетъ на сербскаго друга, но онъ остается другомъ Россіи. Русское правительство совершаетъ злѣйшій грѣхъ (ärgsten Verstoss) противъ принципа монархизма. Мы не понимаемъ Россіи, какъ она можетъ присосѣдиться (gesellen) къ убійцамъ, которыхъ не страшитъ никакая животная подлость".

Это напечатано въ самой дружественной правящимъ кругамъ Россіи „Kreuzzeitung", въ № отъ 16/29-го іюля. Таже „Kreuzzeitung", черезъ два дня писала:

„Мы не забудемъ кого мы должны благодарить за ожидающія насъ нищету и бѣдствія. Россія и только Россія отвѣтственна за войну. Эта война противъ насъ—вѣроломство, нападеніе изъ за угла".

„Это Россія желаетъ войну, которую она подготовляла годами и которая была цѣлью ея союза съ Франціей"— вторила „Tägliche Rundschau".

Это стиль и тонъ газетъ, такъ называемыхъ, серьезныхъ, выражающихъ взгляды господствующихъ классовъ. Не трудно, конечно, представить себѣ, что и какъ писала о Россіи уличная, бульварная пресса, больше всего вліяющая на настроеніе толпы.

Этимъ, однако, газетная агитація не ограничивалась. Возбуждая ненависть народа къ Россіи, его въ то-же время пугали ею. Почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ внушалось, что война съ Россіей представляетъ страшную опасность для Германіи, ставится на карту все ея существованіе.

„Огромныя, національныя цѣнности находятся въ опасности въ такое время, когда, повидимому, ударилъ часъ судьбы нѣмецкаго народа. Если дойдетъ теперь до войны—передъ нами ставится вопросъ: Быть или не быть намъ на вѣки вѣчные“,—писали 16/29 іюля „Nachrichten“ военнаго союза (Wehrverein)“.

„Если мы столкнемся съ Россіей, то дѣло пойдетъ о нашемъ быть или не быть, о нашей культурѣ, о нашемъ языкѣ, о нашемъ положеніи міровой державы, о нашемъ, въ горячихъ бояхъ выкованномъ единеніи, о нашей независимости“,—въ явно инспирированной статьѣ, стращалъ 17/30 іюля офиціозный органъ Саксоніи, „Dresdener Anzeiger“, а офиціальный, издаваемый министерствомъ, „Dresdener Journal“ прибавилъ:

„Намъ предстоитъ страшная и тяжелая борьба, чтобы отстоять нашу родину, охранить наше отечество“.

Наконецъ, самъ императоръ Вильгельмъ, въ своемъ воззваніи: „Къ моему народу“, говоритъ, буквально, тоже самое:

„Дѣло ицетъ о быть или не быть нашей имперіи, которую основали отцы наши. Быть или не быть нѣмецкому могуществу, нѣмецкому существу“ (Deutscher Macht, und deutschen Wesens).

Понятно, не Вильгельмъ II заимствовалъ у „газетчиковъ“ этотъ лозунгъ, а онъ далъ его имъ и они использовали его самымъ добросовѣстнымъ образомъ.

Когда трагедія стала приближаться къ развязкѣ, на сцену выступилъ самъ Вильгельмъ. Прежде всего, онъ устроилъ себѣ театральный въѣздъ изъ Потсдама въ Берлинъ. Въ первомъ автомобилѣ Вильгельмъ и императрица, за ними кронпринцъ съ женой, между которыми, на спеціально приспособленномъ сидѣньи, маленькій наслѣдникъ кронпринца... Затѣмъ, цѣлый рядъ автомобилей съ остальными членами императорской семьи, канцлеромъ, министрами, генералами, адмиралами, свитой... Весь этотъ безконечный кортежъ едва-

едва пробивается сквозь несмѣтную толпу, съ остервенѣніемъ орущую ура! и патріотическія пѣсни. Всѣ участники шествія улыбаются толпѣ, привѣтствуютъ ее; только онъ одинъ, главный режиссеръ, Вильгельмъ, сидитъ „никого не видя, никого не слыша. Онъ смотритъ прямо передъ собой незабываемымъ взглядомъ остановившихся глазъ, безъ единаго движенія, блѣдный, нѣмой, закаленный"... Такъ, захлебываясь, рисуетъ его портретъ въ этотъ моментъ самъ „Berliner Tageblatt".

Затѣмъ начались личные выѣзды, вѣрнѣе, въѣзды, императора по Берлину. Никто ни разу не видѣлъ, какъ онъ выѣзжалъ изъ дворца, но вдругъ раздается характерный, хорошо знакомый берлинцамъ сигналъ откуда-то возвращающагося автомобиля императора.... Наэлектризованная, изнервничавшаяся толпа бросается, какъ обезумѣвшая, на этотъ сигналъ. Автомобиль моментально окружается и елееле движется среди массы людей, жадно, лихорадочно ловящихъ каждый жестъ, каждое движеніе этого человѣка... А онъ сидитъ все въ той же дѣланно трагической позѣ: блѣдный, нѣмой, недвижимый...

Когда дѣйствіе этихъ зрительныхъ впечатлѣній стало притупляться, началась игра въ прятки. Съ ранняго утра тысячи и тысячи людей облагаютъ дворецъ. Ихъ тянетъ сюда инстинктъ, подсказывающій имъ, что въ этомъ старомъ, мрачномъ домѣ дѣйствительно рѣшается судьба народа, и они простаиваютъ тутъ чуть ли не круглые сутки, чего-то ожидая и разнообразя стояніе безпрерывнымъ пѣніемъ патріотическихъ пѣсенъ. Часы проходятъ въ этомъ томительномъ ожиданіи чего-то, вдругъ появляются адъютанты и заявляютъ, что его величество очень занятъ государственными дѣлами и приказалъ благодарить народъ. Выхода, дескать, не будетъ... Бургермейстеру города Берлина императоръ поручаетъ опубликовать слѣдующее:

„Онъ очень благодаритъ берлинцевъ за манифестаціи, но проситъ (bittet) въ ближайшіе дни отказаться отъ сборищъ и манифестацій вблизи дворца, въ уваженіе

къ тяготѣющимъ на немъ тяжелымъ рѣшеніямъ. Пусть поэтому его дѣятельность ко благу народа не нарушается"...

Затѣмъ начались рѣчи. Мы уже приводили образчики ихъ. Приведемъ еще одну.

Обстановка таже. 7 часовъ вечера 18/31 іюля. Только что объявлено военное положеніе. Настроеніе народа неописуемо. Сотни тысячъ людей толпятся и рвутся ко дворцу. Вдругъ три окна второго этажа быстро распахиваются. Въ среднемъ появляется императоръ, слѣва отъ него императрица, справа принцъ Адальбертъ. Минута неистовства толпы, затѣмъ все смолкаетъ, и надъ головами затаившихъ дыханіе людей несутся громкія, отрывочныя фразы Вильгельма:

„Тяжелый часъ пробилъ сегодня для Германіи. Всюду завистники. Насъ вынуждаютъ къ самооборонѣ. Намъ втискиваютъ мечъ въ руки. Если и въ этотъ послѣдній часъ стараніями моими не удастся образумить нашихъ противниковъ и сохранить миръ,—я надѣюсь, что божье благословеніе поведетъ нашимъ мечемъ, покуда мы снова съ честью вложимъ его въ ножны. Огромныя жертвы кровью и средствами потребуетъ отъ нѣмецкаго народа война. Но мы покажемъ нашимъ противникамъ, что значитъ затрагивать Германію. Теперь я поручаю васъ Богу. Идите сейчасъ въ церковь, преклоните колѣни и молите Господа о помощи нашимъ войскамъ".

Словами немыслимо передать впечатлѣніе этихъ рѣчей не только на толпу, слушавшую ихъ, но и на весь нѣмецкій народъ. То, что въ теченіи недѣли ему твердили газеты, теперь подтверждаетъ самъ императоръ. И во всемъ виновата Россія. Это она совершаетъ противный инстинктивному народному чувству актъ высшей несправедливости,—защищая „убійцъ". Это Россія, завидуя Германіи, хочетъ отнять у нѣмецкаго народа его благосостояніе, добытое сорокалѣтнимъ миромъ. Это она уничтожаетъ всѣ старанія и правительства и самаго Вильгельма сохранить миръ, стремясь

непремѣнно къ войнѣ, которая потребуетъ огромныя жертвы кровью и средствами отъ нѣмецкаго народа. Наконецъ, это она, Россія, борьба съ которой ставитъ на карту существованіе имперіи.

Народъ не могъ не вѣрить всему этому. Объ этомъ въ теченіи 8-ми дней твердила ему, изо дня въ день, его печать. Объ этомъ писало ему его правительство. Наконецъ, объ этомъ говорилъ ему, народу, самъ лично императоръ Вильгельмъ II.

И нѣмецкій народъ обезумѣлъ отъ ярости. Тѣ, изумившіе всѣхъ, жестокіе эксцессы, которымъ подверглись оказавшіеся въ то время въ Германіи русскіе, слѣдуетъ, по справедливости, отнести не только на счетъ одного звѣрства народа. Огромная, если не вся, вина за дикую жестокость проявленную и, быть можетъ, за проявляемую и теперь нѣмецкимъ народомъ — падаетъ на ослѣпившее его и разбудившее въ немъ звѣря правительство Германіи, а всего больше на его идеалъ рыцарства и честности — на императора Вильгельма II.

ГЛАВА IV.

Нѣмцы о русскихъ.

Объявленіе мобилизаціи въ Берлинѣ. Военный журналъ германскаго генеральнаго штаба о Россіи и русской арміи. Басни о Россіи. Сраженіе на Мазурскихъ озерахъ въ освѣщеніи императора Вильгельма. Генералъ Мартосъ.

1.

Само собою разумѣется, что эта невѣроятная, безумная агитація, это сознательное ослѣпленіе народа преслѣдовали не эту, или вѣрнѣе, не только эту цѣль. Задача была болѣе крупная, болѣе важная, отъ которой зависѣлъ весь успѣхъ затѣянной авантюры и эта задача рѣшена была блестяще. Нѣмецкій народъ объединился на одной мысли — неотвратимости оборонительной войны, на одномъ чувствѣ — страхѣ передъ этой войной. Тѣ самые нѣмцы, которые недѣлю тому назадъ кричали ура и устраивали дебоши озорства ради — измѣнились до неузнаваемости. Каждый изъ нихъ, въ отдѣльности, чувствовалъ, что лично ему война ничего, кромѣ вреда, не принесетъ. Толпа, въ цѣломъ, также, хотя и инстинктивно, чувствовала, что это запугиваніе войной отнюдь не слова, а что дѣйствительно Германія ставитъ на карту всю себя. И, несмотря на это, безумная — иначе ее назвать нельзя — агитація, особенно послѣднихъ трехъ дней, когда въ дѣло вмѣшался самъ императоръ Вильгельмъ, довела народъ до такого состоянія, что еслибы вдругъ ему сказали, что конфликтъ разрѣшился, что войны не будетъ,— наступила бы страшная реакція, равная полному истощенію народныхъ силъ. Нервное напряженіе, доведенное до крайности, могло разразиться только въ сильномъ, катастро-

фальномъ отводѣ и такимъ явилась война. И когда въ субботу, 19-го іюля (1-го августа), въ 6 часовъ вечера, изъ воротъ дворца словно вырвался маленькій автомобиль-торпедо, и сидѣвшій въ немъ длинный господинъ, приставивъ руки ко рту, крикнулъ: Мобилизація! — неясный, глухой и страшный гулъ сотенъ тысячъ людей сразу замолкъ. Чѣмъ дальше двигался автомобиль, останавливаясь черезъ каждые 4—5 домовъ, чѣмъ громче длинный господинъ выкрикивалъ одно и то же слово: Мобилизація!... мобилизація!..—тѣмъ тише становилась толпа, тѣмъ жутче чувствовалась это молчаніе. Лишь, когда навстрѣчу торпедѣ стали показываться газетные автомобили, съ которыхъ въ толпу бросали пачками экстренные выпуски съ текстомъ приказа о мобилизаціи,—лишь тогда молчаніе смѣнилось чѣмъ то дикимъ, нечеловѣческимъ, чего никакая фантазія представить себѣ не можетъ. Пѣсни и истерики, хохотъ и рыданія, налитые кровью глаза, поднятые къ небу кулаки и вой, буквально, вой безъ конца...

Обманъ удался на славу. Цѣль достигнута. Императоръ Вильгельмъ II Гогенцоллернъ и соціалъ-демократъ, д-ръ Франкъ объединились и пошли воевать. Красочно и ясно сказалось и отношеніе обоихъ къ этой войнѣ. Императоръ Вильгельмъ, облачившись въ походный мундиръ и въ коричневыхъ сапогахъ съ отворотами, пошелъ на войну съ чудовищнымъ чувствомъ помолотить (dreschen) людей... Соціалъ-демократъ Франкъ, добровольно промѣнявъ адвокатскую тогу на солдатскую шинель, пошелъ на войну потому, что, какъ онъ написалъ въ своемъ посмертномъ письмѣ, „съ защитой нашего отечества дѣло обстоитъ жестоко серьезно"...

Много-ли придворныхъ раздѣляетъ своеобразную мечту императора Вильгельма — мы не знаемъ, но личныя двухмѣсячныя переживанія и наблюденія воюющей Германіи даютъ намъ смѣлость утверждать, что огромное большинство *думающей* Германіи относится къ войнѣ съ чувствомъ д-ра Франка.

Правда, и эта, думающая Германія, не свободна отъ по-

разительнаго легкомыслія, но винить ее за это нельзя. Это уже слѣдствіе второй части обмана.

Какъ только достигнута была главная цѣль—запуганный народъ *былъ пріобрѣтенъ для войны*—правительство, великолѣпно учитывая какое огромное значеніе имѣетъ бодрое, увѣренное настроеніе народа и войска на ходъ войны—приняло мѣры къ освобожденію народа отъ имъ же внушеннаго страха. Россія,—та самая Россія, которая, до объявленія войны, служила пугаломъ,—послѣ объявленія войны превратилась въ какую то бутафорскую величину, о которой и говорить не стоитъ.

Россія тоже не можетъ похвастать знаніемъ Германіи. Но, если сопоставить русское незнаніе съ незнаніемъ Германіей Россіи, то это сопоставленіе равносильно познаніямъ ученаго профессора и деревенскаго школьника. Какую бы дикую невѣроятность ни преподнести нѣмцамъ, стоитъ только добавить, что рѣчь идетъ о Россіи, и немедленно всѣ сомнѣнія отпадаютъ: Ach so! in Russland!

In Russland нѣтъ невозможнаго. Такъ думаетъ не толпа, не масса; это глубокое убѣжденіе ея интеллигенціи: нѣмецкой печати, нѣмецкихъ ученыхъ, и, какъ это ни удивительно, нѣмецкихъ промышленниковъ.

Ниже мы приведемъ примѣры поразительныхъ нелѣпостей о Россіи, серьезно и научно дебатировавшихся нѣмецкой печатью. Здѣсь мы ограничимся изложеніемъ успокоительной мѣры, оффиціально примѣненной германскимъ правительствомъ, съ цѣлью успокоить имъ же напуганный народъ.

19-го іюля, (1 го августа), въ день объявленія войны, газеты занялись обсужденіемъ вопроса насколько сильна въ военномъ отношеніи, все время внушавшая такой страхъ Россія? Основаніемъ для всѣхъ этихъ разсужденій послужила статья очередного, только что выпущеннаго № Военнаго Еженедѣльника (Militärische Wochenblatt). Въ этой статьѣ утверждалось, что, вообще, численность арміи, по счастью

(Glücklicherweise), вовсе не рѣшаетъ войну. Важнѣйшіе факторы: „моральное состояніе арміи, *) вооруженіе, снаряженіе, высшій командный составъ, желѣзнодорожная сѣть, настроеніе народа". Что русская армія этими факторами не обладаетъ, конечно, доказательствъ не требовалось.

„Теперь не лишне напомнить",—продолжаетъ военный журналъ,—„что въ новѣйшее время Россія ни разу одна не побѣждала. Даже въ войну 1877 года она не побѣдила бы турокъ, еслибъ не помощь короля Карла румынскаго".

Покончивъ, такимъ образомъ, съ моральнымъ состояніемъ русской арміи, военный журналъ переходитъ къ численному составу ея. И здѣсь, оказывается, ничего страшнаго нѣтъ. Во-первыхъ, „появившіяся въ печати свѣдѣнія о сформированіи 5-ти новыхъ армейскихъ корпусовъ невѣрны. Эти корпуса не существуютъ. *) Затѣмъ, когда начнется война, Россіи необходимо усилить свою дальневосточную армію, такъ какъ 5 тамошнихъ корпусовъ, конечно, Японіи задержать не смогутъ. Турецкая граница тоже не можетъ остаться безъ заслона, Необходимы войска на то, чтобы производить давленіе на Балканахъ. Но, прежде всего, слѣдуетъ поставить на первый планъ внутреннее политическое положеніе *) имперіи, которое вынудитъ Россію всѣ лучшія войска свои оставить въ странѣ". Въ общемъ итогѣ получается, что Россія можетъ едва-едва выставить армію въ 1—1½ милліона на страшно растянутомъ фронтѣ. Такое количество, разумѣется, никого пугать не можетъ. Помимо неважнаго, моральнаго состоянія самой арміи и ея интендатуры,—одна Австрія уже выставляетъ на русской границѣ 700.000 войско. Что касается Германіи, то открыть сейчасъ какую армію она выставитъ, конечно, нельзя, но генералъ-фельдмаршалъ фонъ-деръ-Гольцъ, въ своемъ послѣднямъ трудѣ „Время Вильгельма побѣдоноснаго", опредѣляетъ военныя силы Гер-

**) Шрифтъ подлинника.

маніи, послѣ проведенія послѣднаго военнаго закона, „не менѣе 6-ти милліоновъ обученныхъ“.

Отмѣтимъ уже за одно, что эту же численную силу германской арміи подтверждаетъ и другой „авторитетъ“, генералъ-лейтенантъ Имгоффъ, занявшійся, въ цѣляхъ того же успокоенія народа, чтеніемъ публичныхъ лекцій, которыя онъ заканчиваетъ такъ: „Для разноса враговъ въ нашемъ распоряженіе имѣется дѣйствительно (tatsächlich) отъ 5-ти до 6-ти милліоновъ великолѣпныхъ бойцовъ (kampftüchtiger Männer).

Само собою разумѣется, что при такихъ неравныхъ условіяхъ боевой готовности Россіи и Германіи, военный журналъ послѣдней только и могъ закончить свою статью слѣдующими гордыми словами: „Надо сказать безъ всякой натяжки, что Германія можетъ съ полнымъ спокойствіемъ смотрѣть на встрѣчу съ надвигающимися событіями, въ полной увѣренности на собственную силу“.

Мы остановились такъ подробно на этой статьѣ, въ виду оффиціальнаго характера этого военнаго журнала германскаго генеральнаго штаба. Не подлежитъ сомнѣнію, что эта редакціонная, руководящая статья, появившаяся почти въ самый день объявленія войны, выражаетъ взгляды и чаянія нѣмецкихъ военныхъ круговъ. По ней можно прослѣдить, какъ представлялъ себѣ, чего ожидалъ, и на что надѣялся германскій генеральный штабъ, начиная войну съ Россіей. И мы должны повторить уже сказанное: этимъ, такъ дорого обошедшимся ему, представленіемъ о Россіи вообще, и русской арміи въ особенности, германскій генеральный штабъ, а съ нимъ и весь нѣмецкій народъ обязанъ, въ очень большой степени, своему военному атташе въ Петербургѣ, господину фонъ-Хеліусу.

Понятно само собой, что эта спеціальная статья спеціальнаго органа послужила руководствомъ для всѣхъ газетныхъ стратеговъ и воителей, которые уже отъ себя разукрасили тему самыми яркими красками. Теоретиче-

скимъ разсужденіямъ не замедлили придти на помощь „подлинныя доказательства“. Собственные корреспонденты сообщили, что русская армія это какой то сбродъ древнихъ каликъ перехожихъ. Русскія гранаты не разрываются, а сами артиллеристы не могутъ взять ни одного вѣрнаго прицѣла. Найденныя при плѣнныхъ банки съ консервами оказались наполненными пескомъ, а сами плѣнные въ лохмотьяхъ, безъ сапогъ и бѣлья, голодные, до истощенія, ликуютъ, что попали въ плѣнъ...

Вѣрили-ли всему этому нѣмцы? Безусловно!

„Русскіе (плѣнные) въ Кенигсбрюкѣ въ большинствѣ. Они производятъ,—*какъ ни изумительно это звучитъ*,—гораздо лучшее впечатлѣніе, чѣмъ французы! Они мужественнѣе, стройнѣе, очень умѣрены, послушны и внимательны. Встаютъ немедленно, когда является посѣтитель и привѣтствуютъ довольно бодро. Сѣдыхъ головъ совсѣмъ не видно; вообще только нѣсколько человѣкъ, которымъ за сорокъ. Ихъ сѣрая, походная форма чиста и опрятна, сходна съ нашей, обувь хороша. Совсѣмъ уже безпутной, *какъ намъ всегда размалевываютъ русскую интендатуру*, она, кажется, вовсе не оказалась“ (Ganz so verlottert, wie die russische Intendatur uns immer geschidert wird, scheint sie denn doch nicht zu sein).

Такъ искренно сокрушался спеціальный корреспондентъ газеты „Berliner Tageblatt“, посѣтившій лагерь русскихъ и французскихъ плѣнныхъ въ Кенигсбрюкѣ, возлѣ Дрездена. Хватило у этого упавшаго съ неба интеллигента благоразумія сдѣлать и выводъ изъ своихъ огорчительныхъ наблюденій: „Вообще, спокойному наблюдателю здѣсь снова подтверждается старая истина, что огромная ошибка обезцѣнивать противника“.

Если все сказанное такъ изумило корреспондента, а съ нимъ и газету, печатавшую это; газету, пользующуюся славой одной изъ интеллигентнѣйшихъ въ Германіи, имѣвшую до войны своихъ сотрудниковъ чуть ли не по всей Россіи; если все это поразило такую, по нѣмецкому масштабу, умную

газету, какъ „Berliner Tageblatt", то какъ могъ нѣмецкій народъ, сверху до низу, не вѣрить всѣмъ нелѣпостямъ, какія преподносились ему о Россіи его Zeitung'ами? И онъ вѣрилъ, свято вѣрилъ, что Кавказъ отдѣлился отъ Россіи, причемъ на баррикадахъ въ Баку убитъ депутатъ Чхеидзе... Вѣрилъ, что черноморскій флотъ взбунтовался, что броненосецъ „Пантелеймонъ" разрушилъ Одессу, гдѣ революціонеры, „заточивъ генералъ-губернатора и градоначальника", учредили временное правительство... Вѣрилъ, что изъ всей Польши изгнаны русскіе чиновники, что въ Варшавѣ учреждено временное польское правительство, и что нѣмцамъ и воевать въ Польшѣ не прійдется: придутъ и возьмутъ... Да, что это? Въ длинныхъ, серьезныхъ статьяхъ, озаглавленныхъ „30.000.000 Ukrainer" давалось географическое и этнографическое описаніе „Ukrainy" и самимъ положительнымъ образомъ утверждалось, что 30.000.000 пілтавцевъ и черніговцевъ ждутъ не дождутся прихода... австрійцевъ, чтобы освободится vom Russischen Joche. Вообще, внутреннее, политическое положеніе Россіи, какъ это и подчеркивалъ германскій генеральный штабъ, въ цитированной выше статьѣ, было, повидимому, главнымъ козыремъ, на который онъ разсчитывалъ, начиная войну; и это положеніе муссировалось еще въ большей степени, чѣмъ Verworrenheit русской арміи.

И мы, снова, самимъ положительнымъ образомъ утверждаемъ, что всѣмъ этимъ нелѣпостямъ вѣрила не только масса, вѣрила интеллигентная, думающая Германія.

2.

При такихъ условіяхъ, когда Кавказъ оторвался, югъ въ революціи, Польша отдѣлилась, 30.000.000 украинцевъ ждутъ, не дождутся австрійцевъ—что остается отъ Россіи? Стоитъ ли вообще тревожиться о ней? И нѣмцы самымъ искреннимъ образомъ вѣрили, что mit Russland werden wir bald fertig (съ Россіей мы справимся скоро), нужно только сначала взять Парижъ.

И эту твердо-каменную увѣренность не могли поколебать даже многочисленные бѣглецы восточной Пруссіи, одно время переполнившіе Берлинъ и среднюю Германію. О занятіи русскими восточной Пруссіи нѣмцы, вообще, ничего не знали. 20/7-го августа появилось первое извѣстіе о какой-то „побѣдѣ“ нѣмцевъ надъ русскими у Сталупенена. Черезъ нѣсколько дней второе извѣстіе о новой „побѣдѣ“ у Инстербурга и, хотя тутъ же сообщалось, что „мы оттянули свои войска назадъ“, это не помѣшало нѣмцамъ кричать ура и разукрасить дома свои флагами. Вообще, это былъ тотъ періодъ ежедневныхъ „блестящихъ побѣдъ“, которыя окончательно вскружили голову нѣмцамъ, увѣровавшимъ непоколебимо, что война эта не больше, какъ побѣдная прогулка на два—три мѣсяца, затѣмъ получится контрибуція—съ Франціи 20, съ Россіи, по бѣдности ея, 6 милліардовъ—и Германія расцвѣтетъ. Правительство, съ своей стороны, поддерживало это настроеніе не только реляціями, но и прямыми обѣщаніями. Печатая воззванія о помощи бѣженцамъ восточной Пруссіи, оно заканчивало эти воззванія: „За все заплатитъ намъ скоро нашъ врагъ, осмѣлившійся вторгнуться въ наши предѣлы“.

Наконецъ, получилось сообщеніе о несчастливомъ для русскихъ сраженіи на Мазурскихъ озерахъ. Восторгъ былъ неописуемый. Оказалось, что исторія такихъ побѣдъ не знаетъ, что она небывалая въ мірѣ... Это подтвердилъ самъ императоръ Вильгельмъ. Съ момента открытія военныхъ дѣйствій, онъ занялся писаніемъ телеграммъ и жалованіемъ желѣзныхъ крестовъ. Послѣднихъ, за полтора мѣсяца войны, было роздано тридцать восемь тысячъ; сколько телеграммъ разослано мы не знаемъ. Въ нашемъ распоряженіи имѣется *лишь 87*, за тотъ же періодъ времени. Само собою разумѣется, что небывалая побѣда только могла поднять вдохновеніе, и 1 сентября (19 августа) императоръ Вильгельмъ телеграфировалъ генералу Гинденбургу:

„Ваша сегодняшняя телеграмма доставила мнѣ неска-

занную радость. Вы совершили подвигъ, почти единственный въ исторіи, покрывшій васъ и ваши войска на вѣки вѣчные неувядаемой славой и, съ божьей помощью, навсегда освободившій наше дорогое отечество отъ врага. Какъ знакъ моей благодарной признательности, жалую васъ орденомъ „Pour le Mérite" и предлагаю Вамъ передать мое императорское спасибо молодецкимъ, несравненнымъ войскамъ вашей арміи. Я горжусь моими прусскими полками".

Это пораженіе небольшой, сравнительно, части русскихъ войскъ, попавшихъ въ засаду, о которомъ нашъ штабъ такъ просто и откровенно оповѣстилъ Россію, въ приказѣ генерала Гинденбурга своимъ войскамъ превратилось въ „уничтожающую побѣду надъ 5-ю армейскими корпусами и 3-мя кавалерійскими дивизіями. Больше 60.000 плѣнныхъ, безчисленное множество орудій и пулеметовъ и много другой военной добычи попали въ наши руки".

Въ духѣ этихъ реляцій нѣмцы и праздновали побѣду. Однако, она совпала съ начавшимися неудачами на французскомъ фронтѣ, и эти неудачи компенсировались... русскими плѣнными. Сраженіе давно кончилось, а число плѣнныхъ изо дня въ день увеличивалось, достигнувъ черезъ недѣлю цифры 92.000 человѣкъ...

Такая сверхъ-побѣда только и могла укрѣпить въ нѣмецкомъ народѣ убѣжденіе, что Россія, воистину, страна невѣроятныхъ возможностей; и совершенно успокоился онъ на счетъ Россіи, занявшись самымъ серьезнымъ и озабоченнымъ образомъ обсужденіемъ вопроса: Россія—„бѣдная, задолженная страна", какъ получить съ нея контрибуцію?...

Мечты императора Вильгельма не осуществились. Русскіе войска снова въ восточной Пруссіи. Снова населеніе бѣжитъ оттуда вглубь страны. Парижъ все отдаляется, Варшава—русская. „Нашъ доблестный союзникъ" все еще продолжаетъ „изъ тактическихъ соображеній занимать болѣе удобныя мѣста", оставляя русскимъ города и крѣпости, а

все таки... все таки мы болѣе, чѣмъ сомнѣваемся въ вѣрности газетныхъ сообщеній о наступившемъ, будто бы, въ Германіи пробужденіи народа. Его такъ основательно и глубоко обманули, и продолжаютъ обманывать, что только голодъ, да сильный ударъ по самой Германіи, внутри ея,— заставитъ народъ немного очнуться и задуматься. Но и здѣсь онъ встрѣтится съ правительственнымъ обманомъ. Ему напомнятъ, что о страшной опасности борьбы съ Россіей его предупреждали еще до объявленія войны и потребуютъ отъ него еще большаго напряженія, еще большихъ жертвъ. И онъ ихъ дастъ, какъ давалъ и даетъ до сихъ поръ, до полнаго истощенія, до неизбѣжнаго рокового конца...

Упомянувъ о сраженіи на Мазурскихъ озерахъ, отмѣтимъ еще одну подробность его, рисующую германскую культурность и военное рыцарство.

О генералѣ Самсоновѣ германскій штабъ, сообщая, что онъ убитъ, не потрудился даже добавить, что онъ сдѣлалъ съ трупомъ этого павшаго въ бою вождя арміи. Гдѣ онъ похороненъ, были ли отданы какія-либо воинскія почести — ничего неизвѣстно... Но это мелочь, въ сравненіи со слѣдующимъ. Въ этомъ сраженіи былъ взятъ въ плѣнъ генералъ Мартосъ. По словамъ корреспондента „Berliner Tageblatt", генералъ былъ захваченъ германскимъ разъѣздомъ въ моментъ, когда садился въ автомобиль, вмѣстѣ съ своимъ адъютантомъ. Шофферъ, намѣревавшійся пустить въ ходъ машину, былъ убитъ, и генералъ былъ доставленъ въ главную квартиру генерала Гинденбурга, а оттуда... древніе римляне водили побѣжденныхъ закованными передъ колесницей побѣдителя, современные гунны воскресили этотъ обычай: *Полный генералъ русской службы, командиръ корпуса былъ закованъ въ ручные и ножные кандалы и отвезенъ въ тюрьму.* Это фактъ, установленный офиціально германскимъ правительствомъ.

Объ этомъ невѣроятномъ случаѣ нѣмецкія газеты сообщали сейчасъ же послѣ сраженія на Мазурскихъ озерахъ,

а 9/22-го сентября германское правительство опубликовало слѣдующее официальное сообщеніе:

„Перехваченная безпроволочная телеграмма отъ 25. 8. 14. 12 часовъ пополудни. Генералъ Постовскій командиру I-го армейскаго корпуса. Прошу немедленно передать дальше второй пѣхотной дивизіи и штабу 23-го армейскаго корпуса 7. 13 утра. Командующій приказалъ: выслать роту съ энергичнымъ командиромъ, съ порученіемъ разстрѣлять, безъ сожалѣнія, всѣхъ лѣсничихъ“.

„По возбужденному противъ генерала Мартоса обвиненію до сихъ поръ доказательствъ не собрано. Мартосъ отрицаетъ свою вину. Слѣдствіе продолжается“.

Допустимъ даже невѣроятное, что такая, несомнѣнно мифическая телеграмма безпроволочнаго телеграфа (?!) дѣйствительно перехвачена, — остается, все-таки, слѣдующее: телеграмма перехвачена *25/12 августа*, генералъ Мартосъ взятъ въ плѣнъ *1-го сентября* (19-го августа).—Со времени плѣненія прошло 22 дня, въ теченіи которыхъ никакихъ доказательствъ причастности генерала къ телеграммѣ не собрано,—а, казалось бы, по свѣжимъ слѣдамъ всего легче найти доказательства,—тѣмъ не менѣе генералъ Мартосъ все же остается въ тюрьмѣ, *закованный* въ кандалы. Это опять-таки устанавливаетъ официальное сообщеніе германскаго правительства, опубликованное 24/11-го сентября:

„Въ нѣмецкой прессѣ распространилось извѣстіе, что плѣненный русскій генералъ Мартосъ перевезенъ *закованный въ Галле*. Это извѣстіе не точно. Генералъ Мартосъ *находится въ Нейссе. Въ остальномъ, само собою разумѣется*, производится судебное разслѣдованіе противъ *всѣхъ офицеровъ*, заподозрѣнныхъ въ томъ, что они терпѣли, или даже совершали жестокости и нарушенія международнаго права“.

Это правительственное сообщеніе, *устанавливающее лишь точно мѣсто заключенія* генерала Мартоса, официально

подтверждаетъ, что „въ остальномъ, само собою разумѣется“, генералъ Мартосъ, противъ котораго за цѣлый почти мѣсяцъ никакихъ доказательствъ не собрано, томится, *закованный, въ нѣмецкой военной тюрьмѣ.*

Но самое ужасное это то, что генералъ Мартосъ не одинъ. Его судьбу, какъ устанавливаетъ сообщенiе, раздѣляютъ, очевидно, многiе русскiе офицеры, „заподозрѣнные“ въ нарушенiи международнаго права.

Нѣмцы, защищающiе въ эту войну международное право! Иронiя, равная трагедiи, вызвавшей ее!..

ГЛАВА V.

Германская соціалъ-демократія.

Усердіе не по разуму. „Буржуазная" газета и соціалъ-демократія. Протесты и соціалъ-демократическія уличныя демонстраціи. Кровавыя столкновенія съ полиціей. Ярость „патріотовъ". Полицейское запрещеніе демонстрацій. Эволюція. Vorstand и „Vorwärts". Депутатъ Гофманнъ. Скандалъ въ баварской палатѣ. Гамбургскіе соціалисты. Протестъ Vorstand'а противъ интернаціональнаго бюро. Гимнъ милитаризму депутата Носке. „Vorwärts" и милитаризмъ. Депутатъ Фишеръ. „Награды". Смерть д-ра Франка. Самоупраздненіе Имперскаго Союза противъ соціалъ-демократіи. Современное состояніе.

1.

Какъ ни думать, какъ ни относиться къ ослѣпленію нѣмецкаго народа, у него есть оправданіе, что онъ не въ правѣ былъ не вѣрить тому, что ему говорили его авторитеты: печать, правительство и, наконецъ, самъ императоръ Вильгельмъ. Ставить вопросъ, почему онъ слѣпо вѣрилъ, почему не провѣрялъ, почему не критиковалъ?—такой вопросъ по отношенію къ нѣмецкому народу совершенно безцѣльный. Въ высшей, духовной жизни онъ тяжкодумъ и систематикъ, въ среднихъ и низшихъ слояхъ думать не привыкли, да и органически не могутъ. Спеціализація нѣмецкаго народа воистину универсальна; каждый нѣмецъ въ отдѣльности и весь народъ въ цѣломъ занятъ своимъ спеціальнымъ Geschäft'омъ: торговлей, фабрикой, школой, университетомъ и т. п. Все, что выходитъ изъ круга личнаго гешефта, уже обязанность кого-то другого, а не его, даннаго нѣмца. Чтобы думать и разсуждать на политическія темы, существуютъ газеты, правительство, рейхстагъ; и то, что говоритъ нѣмцу его личная Zeitung, это для него истина,

заповѣдь, которой онъ вѣритъ слѣпо, безъ критики и разсужденія. Es steht in der Zeitung (это напечатано въ газетѣ)— аксіома незыблемая; а что сдѣлала съ нѣмецкимъ народомъ его печать, мы говорили выше.

Но соціалъ-демократія нѣмецкая? Мы, конечно, говоримъ не о 4 мил. германскихъ соціалъ-демократовъ, ничѣмъ не отличающихся въ области самостоятельнаго мышленія отъ другихъ нѣмцевъ; мы говоримъ о соціалъ-демократіи, о ея вождяхъ, ея печати, ея фракціи въ рейхстагѣ. Какъ она могла дать себя такъ ослѣпить? Она, принципіально говорящая „стрижено", когда правительство говоритъ „брито", она поставившая себѣ цѣлью относиться недовѣрчиво и критически къ каждому утвержденію своего правительства, какъ она могла повѣрить и утверждать печатно, что:

> „рѣшеніе о мирѣ и войнѣ лежало не въ волѣ народа, также не въ волѣ нѣмецкаго правительства, которое, во главѣ съ императоромъ, какъ необходимо признать изъ обмѣна телеграммъ между императоромъ Вильгельмомъ и Государемъ Императоромъ, сдѣлало все, что въ его силахъ, чтобы локализовать австро-сербскій конфликтъ и этимъ предотвратить войну народовъ (Freie Presse)".

Какъ могъ написать эти послѣднія строки соціалъ-демократическій органъ, когда даже „буржуазный" „Berliner Tageblatt", 18/31 іюля вполнѣ правильно замѣтилъ:

> „Хотятъ-ли уничтожить политическую независимость страны (Сербіи)? Тогда сфера могущества Россіи дѣйствительно сокращается и война трудно отвратима. Нѣмецкій народъ имѣетъ право знать, какія требованія выставляетъ Россія и какія отклоняетъ Австрія. Такой, напр., вопросъ, должны ли австрійскіе комиссары участвовать въ слѣдствіи о сербской агитаціи, не поводъ къ всемірной войнѣ. Политика Меттерниха,—учредить, подъ австрійскимъ предводительствомъ, во всѣхъ странахъ охранныя отдѣленія, эта политика принадлежитъ прошлому и не можетъ ожить даже въ самой имперіи".

Эти азбучныя истины „буржуазной газеты“ были высказаны 18/31 іюля, а соціалистская газета увѣряетъ, что конфликтъ долженъ быть ограниченъ войной между Австріей и Сербіей. „Буржуазная газета“ находитъ, что народъ въ правѣ знать требованія Россіи и какія изъ нихъ отклоняетъ Австрія. Какія же данныя у нѣмецкой соціалъ-демократіи судить о томъ, что желанія Россіи были невыполнимы для Австріи? Что требовала невыполнимаго Россія? Продленія срока, даннаго Сербіи для отвѣта на ультиматумъ Австріи? Это было не выполнимо? Отказъ отъ всемірнаго австрійскаго жандарма, по мнѣнію нѣмецкой соціалъ-демократіи, достаточный поводъ, чтобы одобрить эту кровавую бойню? А вѣдь, сличивъ ультиматумъ Австріи съ отвѣтомъ Сербіи, нельзя же не видѣть, что именно этотъ отказъ и „не удовлетворилъ“ Австрію.

Того же 18/31 іюля, тотъ же „Berliner Tageblatt“ писалъ: „утверждаютъ, что нѣмецкое правительство поставило Россіи „срочный“ запросъ о русской мобилизаціи. Это утвержденіе невѣрно. *Совершенно ясно, что покуда стремятся въ дружественной формѣ достигнуть соглашенія съ русскимъ правительствомъ, нельзя ставить, да и не поставятъ Россіи такого „срочнаго запроса“, т. е., по существу, ультиматума*“.

Ясное для буржуазной газеты осталось неяснымъ для соціалъ-демократической, и она серьезно увѣряетъ, что „германское правительство, съ императоромъ во главѣ, сдѣлало все, что въ его силахъ“, чтобы отвратить войну.

Нельзя же долбить все одну и ту же неумную фразу, что Германіи угрожала варварская Россія; нельзя же думать, что она искренно повѣрила словамъ канцлера, который, стуча кулакомъ по пульту, выкрикивалъ въ рейхстагѣ:

„А мы? Мы нарочно не призвали ни одного запаснаго ради Европейскаго мира“.

Не могла повѣрить этому нѣмецкая соціалъ-демократическая фракція, читавшая сообщеніе „Berliner Lokal Anzeiger“,

отъ 17/30 іюля, объ отданномъ приказѣ о мобилизаціи всей арміи и сообщенія „Berliner Neueste Nachrichten“, „Deutsche Zeitung“, Deutsche Nachrichten“ „Deutsche Warte“ о мобилизаціи 1, 5 и 17 армейскихъ корпусовъ. Вѣдь германское правительство не опровергло эти сообщенія, оно только конфисковало газеты за... неприличіе. И это бѣдное фантазіей опроверженіе оказалось достаточнымъ для соціалъ-демократической фракціи, чтобы утверждать, что Германія вынуждена къ войнѣ русской мобилизаціей, начавшейся два дня спустя послѣ германской.

А самый фактъ сокрытія отъ нѣмецкаго народа объявленія войны—неужели не возбудилъ никакихъ сомнѣній у соціалъ-демократіи? А вѣдь это было. Не только часъ, но и день объявленія войны былъ скрытъ отъ народа.

20 іюля (*2-го августа*), т. е. на другой день послѣ того, какъ Россіи война была объявлена, послѣ того, какъ нѣмецкія войска перешли русскую границу, послѣ того, какъ германскій крейсеръ „Аугсбургъ“ бомбардировалъ Либаву, послѣ этой, не только на бумагѣ, но и фактически начатой Германіей войны, „Berliner Tageblatt“ писалъ:

„Въ нѣмецкомъ ультиматумѣ рѣчь шла не о прекращеніи дипломатическихъ сношеній, почему и нельзя ожидать непосредственнаго отозванія нѣмецкаго посла изъ Петербурга. Еще того меньше предполагается, при этихъ обстоятельствахъ, вручить русскому послу въ Берлинѣ его вѣрительныя грамоты, что, конечно, *могло случиться лишь въ томъ случаѣ, если бы мы уже находились въ войнѣ съ Россіей. Пока* между *Россіей и Германіей войны еще нѣтъ*, мы находимся *лишь* въ стадіи мобилизаціи“.

Повторяемъ, это напечатано 20 іюля (2-го августа) въ одной изъ распространеннѣйшихъ и освѣдомленнѣйшихъ нѣмецкихъ газетъ—„Berliner Tageblatt“. Неужели и это сознательное сокрытіе отъ своего народа такого страшнаго событія, какъ объявленіе войны, и начала военныхъ дѣйствій,

неужели эта вершина небывалаго обмана народа своимъ правительствомъ не заставила германскую соціалъ-демократическую фракцію задуматься, прежде чѣмъ демонстрировать свой „патріотизмъ“?

Чѣмъ больше думать, чѣмъ больше комбинировать и сопоставлять факты, тѣмъ больше ставитъ въ тупикъ вопросъ, что сталось съ германской соціалъ-демократіей? Если вся германская, независимая печать въ одинъ, два дня перемѣнила фронтъ и, забывъ всѣ свои же разумныя слова и мысли, сразу закричала „ура“ и „бей его“, то какъ могла случиться такая метаморфоза съ германской соціалъ-демократіей? А метаморфоза во-истину невѣроятная.

Когда стадія уличнаго озорства стала смѣняться болѣе серьезной, явно самимъ правительствомъ прививаемой мыслью о неизбѣжности войны, соціалъ-демократія нѣмецкая встрепенулась. 15/28 іюля въ „Vorwärts“ появилась горячая статья, подъ гордымъ заголовкомъ: „Война или миръ? Слово за народомъ“. Въ ней органъ партіи приглашалъ „товарищей“ принять участіе въ предстоящихъ ночью демонстраціяхъ протеста противъ „воинственныхъ криковъ 16-лѣтнихъ мальчиковъ“. Дрессированные и дисциплинированные, не хуже прусскихъ солдатъ, нѣмецкіе „товарищи“ добросовѣстно выполнили приказъ. Въ Берлинѣ, Лейпцигѣ, Страсбургѣ, Дрезденѣ, словомъ, почти по всей Германіи были устроены соціалъ-демократическія демонстраціи, сначала въ закрытыхъ помѣщеніяхъ, гдѣ была принята единогласно слѣдующая резолюція: „Соціалъ-демократія требуетъ отъ правительства, чтобы оно немедленно и единовременно съ другими державами добилось устраненія конфликта“. Послѣ этого собранія закрылись и толпа, съ пѣніемъ интернаціонала, пошла по улицамъ. Настроеніе толпы было очень повышенное. Не обошлось безъ столкновеній съ „патріотами“, а потомъ и съ полиціей. На Іерусалимской улицѣ, въ Берлинѣ, полиція прибѣгла къ холодному оружію и очень многіе были ранены ударами сабель. У Королевскихъ воротъ (Königsthor)

10 тысячная толпа демонстрантовъ тоже столкнулась съ полиціей, опять прибѣгнувшей къ своимъ шашкамъ и въ своемъ усердіи разбившей ими нѣсколько зеркальныхъ оконъ въ ближайшихъ магазинахъ. И здѣсь оказалось много раненыхъ и еще больше арестованныхъ.

Еще хуже было въ Страсбургѣ: тамъ доходило до дикихъ побоищъ между демонстрантами съ одной стороны и манифестантами и полиціей съ другой. Пришлось вызвать роту гренадеръ съ капитаномъ во главѣ.

Были столкновенія и въ другихъ городахъ. Несмотря на это, мирныя демонстраціи нѣмецкой соціалъ-демократіи произвели очень сильное впечатлѣніе не только на населеніе, но и на само правительство. Настолько сильное, что патріотическія газеты совсѣмъ разсвирѣпѣли. Въ статьѣ „Какъ долго еще", „Kreuzzeitung" назвала эти демонстраціи революціонными, измѣнническими. Заканчивалась статья такъ:

> „Законъ государственнаго самосохраненія требуетъ, чтобы власть выступила противъ нарушенія важнѣйшихъ государственныхъ интересовъ. И если нормальное правовое состояніе для этого недостаточно, то не надо пугаться военнаго, и даже осаднаго положенія. Необыкновенное состояніе требуетъ и необыкновенныхъ средствъ".

Еще рѣшительнѣе выступилъ противъ этихъ демонстрацій мира органъ военнаго союза (Wehrverein).

> „Чтобы въ такое время государственная власть не была въ состояніи сдѣлать невозможными эти подстрекательства къ государственной измѣнѣ? Мы этого не допускаемъ, и все еще ожидаемъ, что дальнѣйшіе протесты соціалъ-демократіи противъ цѣлесознательнаго (Zielbewusste), яснаго и гордаго отношенія нашего правительства въ этомъ великомъ, рѣшительномъ вопросѣ будутъ подавлены безпощадно".

Казалось-бы, чего яснѣе? Органъ союза, содержащагося на правительственныя средства, называетъ демонстраціи

мира „подстрекательствомъ къ государственной измѣнѣ“. Союзъ чернымъ по бѣлому пишетъ, что безумные крики патріотовъ о войнѣ—„цѣлесознательное и ясное“ отношеніе правительства въ этомъ вопросѣ, а соціалъ-демократическій депутатъ Фишеръ пишетъ, что „рейхсканцлеръ въ теченіе недѣль серьезно и честно старался избѣжать войны“...

Но о г-нѣ Фишерѣ мы будемъ еще говорить ниже. Пока прослѣдимъ послѣдовательно ходъ изумительной эволюціи германской соціалъ-демократіи.

2.

Германское правительство оказалось умнѣе своихъ совѣтчиковъ изъ „Kreuzzeitung'a“ и „Wehrverein'a“. Оно не прибѣгло ни къ какимъ экстраординарнымъ мѣрамъ, а просто полицейски запретило демонстраціи. Формально это было запрещено всѣмъ, но фактически, какъ мы описали во II главѣ, это запрещеніе относилось только къ соціалъ-демократическимъ демонстраціямъ мира. „Цѣлесознательныя“ же манифестаціи патріотовъ именно послѣ этого запрещенія, послѣдовавшаго 16/29 іюля, приняли небывалый и неописуемый характеръ.

Органы партій, съ „Vorwärts'омъ“ во главѣ, рвали и метали. Былъ пущенъ въ ходъ весь арсеналъ громкихъ словъ и бранныхъ эпитетовъ по адресу противниковъ, но это, конечно, дѣлу не помогло.

Все это происходило за 3 дня до войны. Послѣ объявленія военнаго положенія, 19 іюля (1 августа), правленіе (Vorstand) партіи печатно заявилъ, что „строгія правила военнаго положенія съ ужасающей остротой поражаютъ рабочее движеніе. Неблагоразумныя, безцѣльныя и ложно понятыя жертвы вредятъ не только каждому отдѣльному, но и всему нашему дѣлу“. Поэтому Vorstand приглашалъ къ благоразумію.

Редакція „Vorwärts'a“, съ своей стороны, заявила, что военныя распоряженія вынуждаютъ къ сокращеніямъ, и

даже угрожаютъ существованію центральнаго органа партіи. „Наше убѣжденіе и принципіальное отношеніе, конечно, ни въ чемъ не измѣнится“ заканчиваетъ газета.

Но еще до этого стратегическаго отступленія первая соціалъ-демократическая ласточка уже пропѣла свою патріотическую пѣсенку. Наканунѣ, 18/31 Іюля, депутатъ 2 баварской палаты, соціалъ-демократъ Гофманнъ, заявилъ въ засѣданіи слѣдующее:

> „Мы стоимъ непосредственно передъ историческимъ событіемъ, могущимъ поставить вопросъ о существованіи имперіи. Если бы черезъ нѣсколько дней нѣмецкій народъ былъ призванъ къ оружію, соціалъ-демократы также будутъ защищать отечество“.

„Браво, Гофманнъ!“—Очень одобрили эту декларацію всѣ патріотическія газеты Германіи. Онѣ превосходно понимали, что такое заявленіе депутата, обѣщающаго помощь не отъ своего имени лично, а отъ имени нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ, не могло послѣдовать по собственному почину и на собственную отвѣтственность самого Гофманна, тѣмъ болѣе, что присутствовавшіе на этомъ же засѣданіи товарищи Гофманна тоже одобрили эту декларацію.

Если товарищи Гофмана, если свирѣпыя „Freie Presse“, „Hamburger Echo“ и друг. потомъ заявляли, что онѣ „убѣдились“ въ мирныхъ стремленіяхъ германскаго правительства и императора Вильгельма, то онѣ по крайней мѣрѣ основывались на сообщеніи канцлера, сдѣланномъ 22 Іюля (4-го августа). А чѣмъ убѣдились за 5 дней до этого сообщенія депутаты Баварской Палаты? Запрещеніемъ мирныхъ демонстрацій? Требованіемъ „Kreuzzeitung“ осаднаго положенія для подавленія этихъ мирныхъ демонстрацій? Обвиненіемъ „Wehrverein'омъ“ соціалъ-демократовъ въ государственной измѣнѣ и заявленіемъ его же, что требованіе войны—„цѣлесознательное и ясное“ желаніе германскаго правительства? Что ихъ убѣдило, что заставило ихъ пришпо-

рить своими обѣщаніями и такъ не въ мѣру рѣзвое правительство свое?

Мы внимательно и, кажется, вполнѣ безпристрастно прослѣдили періодическую печать нѣмецкой соціалъ-демократіи того времени, съ цѣлью найти отвѣты на поставленные выше вопросы, но не нашли ихъ. Больше того, наканунѣ провозглашенія Гофманномъ своей декларацiи, т. е. 17/30 Іюля, въ той же Баварской Палатѣ былъ огромный, для Германiи рѣдкій, скандалъ по слѣдующему поводу:

Обсуждался законопроектъ о письменномъ обязательствѣ желѣзнодорожныхъ служащихъ не бастовать и не вступать членами въ южно-германскій желѣзнодорожный союзъ. Противъ этого проекта выступилъ соц.-демократъ Россгауптеръ. Отвѣтилъ послѣднему министръ путей сообщенія фонъ-Сейдлейнъ вопросомъ, обращеннымъ къ лойяльнымъ партіямъ: „Желаемъ-ли мы, чтобы у насъ вырвано было господство надъ нашимъ персоналомъ? Желаемъ ли мы вручить наши радости и горести какому-то доктору Зюссгейму, какому-то Россгауптеру и подобнымъ товарищамъ? Отвѣтъ долженъ быть: никогда!“ Произошелъ скандалъ: „Товарищи“ кричали „дерзость, безстыдство, трусость, бездарность“ ... Д-ръ Зюссгеймъ торжественно заявляетъ, что „какой-то“ министръ Сейдлейнъ, вообще, не можетъ оскорбить соц.-демократію... Это было 17/30 Іюля, а 18/31 „какіе-то“ Зюссгеймы, Россгауптеры, Гофманны спѣшатъ на помощь „какимъ-то“ министрамъ, еще до просьбы ихъ о томъ.

Какъ мы уже сказали, это была первая ласточка германской соціалъ-демократіи. Она предопредѣлила будущее отношеніе партіи къ переживаемой трагедіи, предопредѣлила, не имѣя абсолютно никакихъ данныхъ, обосновывавшихъ это отношеніе, нашедшее потомъ свое выраженіе въ ложныхъ утвержденіяхъ, что на Германію нападаетъ Россія, и въ неумныхъ утвержденіяхъ, что германская соціалъ-демократія обязана защищать культуру и цивилизацію, которымъ

угрожаетъ „варварская“ Россія, „мстительная“ Франція и „торгашеская“ Англія.

Огромнымъ государствамъ, народамъ, такъ много давшимъ человѣчеству, пристегиваются обидныя прилагательныя. Одна Германія, начавшая войну съ цѣлью „помолотить“ людей, невинная и преданная весталка культуры и цивилизаціи...

Такъ утверждаетъ германская соціалъ-демократія въ лицѣ ея вождей, въ лицѣ ея печати.

„Теперь не время разбираться и изслѣдовать, гдѣ лежитъ внутренняя причина страшной катастрофы. Мы стоимъ передъ фактами ... На востокѣ идетъ бой на сушѣ и морѣ; нѣмецкія военныя суда безумнымъ бѣгомъ поторопились къ русскимъ берегамъ и обстрѣливаютъ ихъ“.

Это пишетъ соціалъ-демократическое „Гамбургское Эхо“, та самая газета, которая за нѣсколько дней до этого отпечатала резолюцію о томъ, что она „требуетъ отъ правительства немедленно добиться устраненія конфликта“. Это пишетъ соц.-дем. органъ о нападеніи крейсера „Аугсбургъ“ на Либаву, нападеніи, послѣдовавшемъ совершенно неожиданно и черезъ 50 минутъ послѣ столь же неожиданнаго объявленія войны. Это разбойное нападеніе Германіи заставляетъ соціалъ-демократическую газету крикнуть: „мы должны стиснуть зубы и защищаться“.

Вообще, гамбургскіе соціалъ-демократы оказались тѣми несчастными людьми, которымъ нельзя поручать молиться, изъ опасенія, что они разобьютъ себѣ лобъ. Такъ, напр., они добровольно обложили себя военнымъ налогомъ отъ 7½ до 33% своихъ доходовъ. Еще лучше слѣдующее: Гамбургскій военный союзъ и стрѣлковое общество организовали добровольную полицейски-охранную службу на помощь правительственной полиціи. Въ этой полицейской организаціи приняли участіе гамбургскіе соціалъ-демократическіе цехи и союзы.

А „Vorwärts" гордо пишетъ: „наши убѣжденія и принципы ни въ чемъ, конечно, не измѣнятся".

Въ связи съ этимъ гордымъ credo не лишне привести заключительную фразу воззванія соц.-дем. союза горныхъ рабочихъ Германіи: „Наши товарищи докажутъ, что ихъ несправедливо заподозривали въ отсутствіи у нихъ отечества".

Всего интереснѣе, что всѣ эти поклоны не по разуму нисколько не оцѣнивались сначала „патріотами", и газета „Post", напр., уже послѣ того, какъ соціалъ-демократы проявили столько личнаго патріотизма, да и денегъ на войну дали такъ много, напечатала зажигательную въ три столбца статью, подъ заголовкомъ: „Ненадежные кантонисты". О характерѣ этой статьи лучше всего судить по концу ея, резюмирующему цѣлое: „Какъ сказано, внѣшній врагъ теперь несравненно важнѣе, но и съ внутренняго не надо спускать глазъ".

Это недовѣріе не расхолодило партію; наоборотъ придало ей, какъ будто, еще больше энергіи. Былъ посланъ делегатъ, д-ръ Зюдекумъ, убѣдить „товарищей" другихъ странъ ...трудно сказать, чего именно добивался д-ръ Зюдекумъ. Впрочемъ, миссія его оказалась настолько неудачной, что не стоитъ долго останавливаться на этомъ эпизодѣ. Важно отмѣтить лишь, что германское правительство оцѣнило и этотъ „шагъ впередъ" германской соціалъ-демократіи.

Вслѣдъ за д-ромъ Зюдекумъ выступилъ самъ Vorstand партіи, пославшій копенгагенскимъ соціалъ-демократамъ объясненіе своихъ дѣйствій, резюмирующееся слѣдующими словами:

„Соціалъ-демократическая фракція рейхстага, какъ представительница рабочаго класса, присоединяется къ правительственной политикѣ обороны и поэтому одобрила военный бюджетъ".

Когда международное соціалистическое бюро выпустило свое „воззваніе къ нѣмецкому народу“, по поводу жестокостей въ Бельгіи, то на помощь нѣмецкимъ палачамъ пришелъ исполнительный комитетъ Vorstand'a. Онъ заявилъ въ „Vorwärts'ѣ“, что не видитъ въ этомъ воззваніи ничего дѣлового; кромѣ того, „воззваніе“ говоритъ о жестокостяхъ нѣмецкихъ войскъ, но не говоритъ ничего о нападеніяхъ, будто бы, бельгійскаго населенія на войска и о жестокостяхъ, совершенныхъ якобы русскими въ Восточной Пруссіи. Поэтому Vorstand партіи „выражаетъ отырытый протестъ противъ интернаціональнаго соціалистическаго бюро“.

Этимъ старанія нѣмецкой соціалъ-демократіи, однако, не ограничились: какъ ни изумительны, какъ ни противорѣчатъ всѣ эти выступленія идеямъ и принципамъ соціализма, да еще на Синаѣ этого ученія, въ Германіи,—но въ нихъ еще не видна суть германизма, какъ она обнаружилась въ этой войнѣ. Вся германская соціалъ-демократія открыто, на весь міръ, заявила себя восторженной поклонницей культа Германіи,—ея милитаризма.

Среди дѣятелей германской соціалъ-демократіи и ея фракціи въ рейхстагѣ особенно выдѣляется депутатъ Носке. Человѣкъ талантливый, хорошій ораторъ, онъ ежегодно выступаетъ при обсужденіи морского бюджета, яростно нападая на вѣдомство.

Этотъ самый депутатъ Носке помѣстилъ *во всѣхъ почти соціалъ-демократическихъ газетахъ Германіи* восторженную статью о... германскомъ флотѣ.

Мы приведемъ конецъ этой статьи:

„Колоссальна должна была быть работа на особенно теперь охраняемой императорской верфи, которую пришлось выполнить, чтобы подготовить флотъ во всѣхъ его частяхъ къ бою. Колоссальное требовалось и отъ рабочихъ, какъ мнѣ объяснилъ главный инженеръ, и охотно, самоотверженно дѣлали рабочіе все необходимое; адмиралъ высказываетъ мнѣ слова теплой при-

знательности молодцамъ рабочимъ, отдавшимъ всѣ свои силы боевой готовности имперіи".

„О многомъ изъ того, что я видѣлъ и слышалъ на верфи, гдѣ мнѣ, съ обычной готовностью и чистосердечіемъ, позволили смотрѣть и давали справки,—я теперь еще сообщить не могу, но я долженъ высказать свое впечатлѣніе: всѣми силами стараются не упустить ничего, что можетъ принести пользу странѣ. Флотъ на стражѣ *).

„О дикой, удалой охотѣ „черныхъ парней" Люцова думалъ я, когда мрачные миноносцы, одинъ за другимъ, безшумно скользили по волнамъ моря. „Черные парни", и эти молодые, сильные молодцы, размѣстившіеся по палубамъ. Откуда они пришли, куда они завтра придутъ,—надо умолчать; не поздоровится врагу, который попадется имъ навстрѣчу".

Этотъ гимнъ милитаризму, милитаризму германскому, пропѣтъ соціалъ-демократомъ Носке 14/1 сентября 1914 года.

А „Vorwärts" писалъ: „наши убѣжденія и принципы останутся, конечно, неизмѣнными".

Впрочемъ и самъ „Vorwärts" не уступитъ Носке.

4 сентября (22 августа) представители „буржуазныхъ" фракцій рейхстага, въ частномъ засѣданіи, постановили: предложить правительству средства на немедленную постройку новыхъ боевыхъ судовъ, взамѣнъ погибшихъ въ бояхъ. 6 сентября бюро Вольфа оффиціально выразило свое неудовольствіе, почему на это засѣданіе не были приглашены представители соціалъ-демократической фракціи. Вслѣдъ за Вольфомъ выступилъ и самъ „Vorwärts" съ возмущеннымъ протестомъ противъ буржуазныхъ партій. Этотъ протестъ привелъ въ восторгъ газету „Германія",—„Германію" Эрцберга, Янушау и прочихъ столповъ прусскаго консерватизма и клерикализма. Газета такъ резюмировала свой восторгъ:

---

*) Шрифтъ подлинника.

„Каждый нѣмецъ съ радостью и удовольствіемъ увидитъ изъ этихъ словъ (статьи „Vorwärts'a“), что нѣмецкая соціалъ-демократія такъ же мало, какъ и въ памятномъ засѣданіи 4 августа, хочетъ или хотѣла бы быть исключенной тамъ, гдѣ дѣло идетъ о борьбѣ за отечество до рѣшительной побѣды его“.

Упомянемъ еще одно выступленіе германской соціалъ-демократіи въ лицѣ виднаго члена ея партіи, депутата рейхстага, Рихарда Фишера. Этотъ дошелъ до того, что одобрилъ, даже поощрилъ тѣ изумившія весь міръ жестокости, которыми такъ прославились нѣмцы въ этой войнѣ.

Выступленіе Фишера было вызвано слѣдующимъ поводомъ: цюрихская соц.-дем. газета „Volksrecht“ въ концѣ августа напечатала статью, въ которой доказывала, что виновникомъ войны является Германія и ея правительство; что нѣмецкая соціалъ-демократія одурачена (Dupiert); Бельгія ограблена, а вся Германія взвалила на себя упрекъ въ варварствѣ и вандализмѣ. Съ отвѣтомъ на эту статью и выступилъ Рихардъ Фишеръ, заявивъ, что „рейхсканцлеръ въ теченіе недѣль—(?! конфликтъ начался 24/11 и окончился 31—19/ іюля) серьезно и честно старался избѣжать войны“, и что „соціалъ-демократическая фракція рейхстага должна была отдать справедливость правительству, что оно серьезнѣйшимъ образомъ стремилось сохранить миръ“.

Само собой разумѣется, что такая глубокая вѣра въ канцлера предопредѣляетъ и вѣру въ его заповѣдь „Not kennt kein Gebot“ (нужда законовъ не знаетъ), и по поводу уничтоженія Бельгіи, которое Фишеръ называетъ невиннымъ словомъ *Durchmarsch*, онъ пишетъ буквально: „Какое иное государство поступило бы иначе въ минуту опасности? Въ часъ, когда дѣло идетъ о жизни и смерти народа, существуетъ лишь одинъ законъ,—законъ самосохраненія“.

Обращаясь затѣмъ къ упреку въ вандализмѣ Фишеръ находитъ ему полное оправданіе и даже поощреніе: „Нѣмецкая армія, въ трети своей, по меньшей мѣрѣ, состоящая

изъ соціалъ-демократовъ, не ведетъ ни варварской войны, ни войны вандаловъ. Если, однако, на нѣмецкаго солдата нападаютъ сзади, если ему неожиданно угрожаютъ выстрѣлами изъ домовъ, церквей, музеевъ,—развѣ непонятно, что у этихъ солдатъ чувство самосохраненія и ярость за нечестное нападеніе вызываютъ единственную мысль:—уничтожить нападающихъ, разрушить всѣ зданія, за которыми они скрываются?“

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что такое громкое „патріотическое“ поведеніе заслуживало награду, и германская соціалъ-демократія награждена вполнѣ по заслугамъ.

3.

16/3-го августа „Vorwärts“ напечаталъ жирнымъ шрифтомъ на первой страницѣ слѣдующее радостное сообщеніе:

„Начиная съ сегодняшняго числа „Vorwärts“ продается на всѣхъ желѣзнодорожныхъ вокзалахъ, а также на вокзалахъ метрополитэна. Дѣйствовавшее до сихъ поръ запрещеніе продавать тамъ газету отмѣнено“ *).

15/2 августа командиръ 17-го армейскаго корпуса, въ Мюнстерѣ, издалъ слѣдующій приказъ по корпусу:

> „По поводу одного случая, я вынужденъ объявить слѣдующее: Довѣріе, оказанное нашимъ великолѣпнымъ рабочимъ въ теченіи событій послѣдняго времени вполнѣ себя оправдало, и это довѣріе не должно быть ничѣмъ поколеблено. При этомъ совершенно безразлично принадлежала ли въ мирное время часть рабочихъ къ организаціямъ какого бы то ни было свойства *).
>
> Считаю поэтому неправильнымъ, если при вер-

*) Шрифтъ подлинника.

бовкѣ рабочихъ на службу по военнымъ предпріятіямъ, рабочіе по такимъ основаніямъ исключаются. Такое исключеніе противорѣчитъ обязанности не дѣлать политически-партійныхъ различій на военной службѣ *). Командующій генералъ баронъ фонъ-Биссингъ, генералъ отъ кавалеріи".

25/12 августа прусскій военный министръ издалъ слѣдующій приказъ: „Въ виду отношенія соціалъ-демократической партіи къ настоящей войнѣ, не дѣлать никакихъ препятствій къ распространенію среди войскъ литературы и газетъ партіи".

Точно такой же приказъ былъ изданъ того же 25 августа военнымъ министромъ Баваріи.

Точно такой же приказъ издалъ, 21/8 сентября, военный министръ Саксоніи, этого краснаго королевства, пославшаго на послѣднихъ выборахъ въ рейхстагъ 17 депутатовъ соціалъ-демократовъ и 5 буржуазныхъ.

Въ началѣ сентября изъ утвержденныхъ морскимъ вѣдомствомъ „Правилъ работъ на военный флотъ" были вычеркнуты правила, устраняющіе соціалъ-демократовъ отъ работъ на верфяхъ. Правила, такъ часто служившія причиной горячихъ споровъ въ рейхстагѣ между партіей и морскимъ вѣдомствомъ.

15/2 сентября, Баденское правительство, вопреки своей прежней практикѣ, назначило соціалъ-демократа членомъ Мангеймскаго окружнаго совѣта.

3 сентября (21 августа) былъ убитъ въ бою депутатъ рейстага, соціалъ-демократъ, докторъ Франкъ. 10 сентября (28 августа) министръ внутреннихъ дѣлъ Бадена, фонъ-Бодманъ, явился въ редакцію соц.-дем. газеты „Другъ народа", чтобы выразить, по порученію всего министерства и лично отъ себя соболѣзнованіе по поводу смерти Франка,

*) Шрифтъ подлинника.

причемъ министръ особенно подчеркнулъ, что эта потеря не только для партіи, но и для всей страны, которой покойный могъ бы впослѣдствіи, послѣ войны, оказать большую услугу при предполагающемся, будто бы, обновленіи страны.

11 сентября (29 августа) замѣщающій канцлера статсъ-секретарь Дельбрюкъ послалъ, по поводу смерти Франка, письмо президенту рейхстага, заканчивающееся такъ:

„Ваше Высокоблагородіе имѣю честь просить передать рейхстагу выраженіе моего душевнаго сожалѣнія по поводу потери, понесенной имъ за смертью д-ра Франка".

Смерть того же Франка требуетъ выбора новаго депутата въ Баденскій ландтагъ. Буржуазныя партіи постановили въ выборномъ округѣ (Карлсруэ) не выставлять своихъ кандидатовъ, а голосовать за соціалъ-демократа.

Впрочемъ, послѣдняя „награда"—лишь отвѣтная любезность со стороны „буржуазіи" 20/7-го августа въ округѣ Равенсбургъ-Заульгау-Ридлингенъ, въ Вюртенбергѣ, состоялись добавочные выборы депутата въ рейхстагъ. Соціалъ-демократія, „въ виду переживаемаго времени" сняла кандидатуру своего „товарища" и голосовала за кандидата... центра.

13-го сентября (31 августа) командиръ 15-го армейскаго корпуса, въ Страсбургѣ, отмѣнилъ строго проводившееся до того времени запрещеніе людямъ корпуса посѣщать соціалъ-демократическіе рестораны и помѣщенія цеховъ.

Это, такъ сказать, награды первой степени. О другихъ, мелкихъ, которыми обсыпаетъ германское правительство своихъ усердныхъ прозелитовъ, и говорить не стоитъ.

По тому, какъ германская соціалъ-демократія продолжаетъ агитировать среди своихъ „товарищей" въ нейтральныхъ странахъ, можно заключить, что тамъ еще считаются съ ней, чего-то ожидаютъ отъ нея. Въ Германіи, гдѣ, надо полагать, лучше знаютъ свою соціалъ-демократію и гдѣ ее судятъ не по словамъ делегатовъ, а по дѣйствіямъ и настроеніямъ,—въ Германіи съ нѣмецкими соціалъ-демокра-

тами считаться перестали, вѣрнѣе, считаются „съ другой стороны“.

„Имперскій Союзъ противъ соціалъ-демократіи“, публикуя, что онъ пріостановилъ свою дѣятельность, пишетъ буквально слѣдующее:

„Блестящее поведеніе всего нѣмецкаго народа во время мобилизаціи и противъ врага, даетъ поводъ заявить,что Имперскій Союзъ не только будетъ во время войны соблюдать необходимый миръ, но питаетъ надежду, что и въ будущемъ не потребуется вести политической борьбы съ соціалъ-демократіей. Онъ увѣренъ, что могущія возникнуть впослѣдствіи экономическіе споры будутъ разрѣшены исключительно на національныхъ основаніяхъ. Комитетъ Имперскаго Союза весь свой персоналъ, свои пишущія машины и свою типографію предоставилъ безвозмездно учрежденіямъ общественнаго призрѣнія и сдѣлалъ денежное пожертвованіе Красному Кресту. Берлинъ, 27/15 августа, 1914. Комитетъ Имперскаго Союза противъ соціалъ-демократіи, фонъ-Либертъ, первый Предсѣдатель“.

Контрассигновано и одобрено оффиціальнымъ органомъ германскаго правительства, „Norddeutsche Allgemeine Zeitung“, 28/15 августа, 1914 года...

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ огромной, 4 милліонной партіи имѣются „товарищи“, не раздѣляющіе новыхъ воззрѣній Гофмановъ, Фишеровъ, Носке, самого Vorstand'а и „Vorwärts'а“. Вопросъ лишь, сколько ихъ, этихъ несогласныхъ и могутъ ли они вліять на настроеніе партіи? Тѣ одинокіе голоса, какъ Либкнехтъ, Роза Люксембургъ, Клара Цѣткина, о которыхъ сообщаютъ газеты, меньше всего могутъ служить какимъ либо симптомомъ и показателемъ назрѣвающаго отрезвленія партіи. Гораздо болѣе симптоматично отсутствіе протеста со стороны такихъ непримиримыхъ,

какъ Ледебуръ, Гофманъ-берлинскій и другихъ, въ томъ числѣ и самаго „папы“ нѣмецкаго соціалъ-демократизма— Каутскаго. Военное время, конечно, не помѣшало бы имъ высказать свою точку зрѣнія, если-бъ... они находили нужнымъ высказать ее. И если они этого не дѣлаютъ, то, быть можетъ, потому, что правъ „Германскій Имперскій Союзъ противъ соціалъ-демократіи“, упразднившій самого себя за отсутствіемъ въ будущемъ почвы для своей дѣятельности и пожертвовавшій по этому поводу крупную сумму на Красный Крестъ.

Вѣдь на добрыя дѣла жертвуютъ въ поминъ души покойниковъ...

ГЛАВА VI.

Германскій военный заем.

Первый 5-ти милліардный заем. Отношеніе соціалъ-демократіи. „Блестящій успѣхъ“. Пріемы. Прокламація. Угроза налогами. Воззванія. Два распоряженія. Списокъ „патріотовъ“. Предстоящіе новые займы. Участіе населенія. Положеніе германскихъ сберегательныхъ кассъ. Допустимый прогнозъ.

1.

Если 100 лѣтъ тому назадъ для веденія войны требовались деньги, деньги и деньги, то современная война требуетъ денегъ куда больше, и германское правительство, одновременно съ объявленіемъ войны потребовало отъ своего народа 5.000.000.000 марокъ. Въ знаменитомъ засѣданіи рейхстага, разрѣшившаго этотъ кредитъ, 22-го іюля германскій канцлеръ закончилъ свою рѣчь слѣдующими словами:

„Наша армія въ полѣ, нашъ флотъ готовъ къ бою; за ними стоитъ весь нѣмецкій народъ, весь нѣмецкій народъ, до послѣдняго человѣка“.

Стенограмма отмѣчаетъ это мѣсто рѣчи слѣдующей ремаркой: „Канцлеръ широкимъ жестомъ руки охватываетъ весь рейхстагъ до крайней лѣвой включительно. Шумное, безконечное одобреніе и рукоплесканія на всѣхъ скамьяхъ и трибунахъ“.

Вслѣдъ за канцлеромъ на трибуну взошелъ единственный ораторъ этого засѣданія, соціалъ-демократъ Гаазе и произнесъ свою, тоже историческую въ своемъ родѣ, рѣчь, въ которой мало содержанія, много фразъ и очень много фарисейства. Чѣмъ, какъ не фарисействомъ, объяснить слѣдующую его фразу:

„Мы чувствуемъ себя единодушными съ интернаціоналомъ, который всегда признавалъ право народовъ на самозащиту и самооборону, точно также, какъ мы всегда, въ согласіи съ нимъ, осуждали всякую захватную войну".

Это говорится о войнѣ Вильгельма второго и прусскаго юнкерства. Эта фраза сказана послѣ того, какъ сталъ извѣстенъ дикій лозунгъ этой войны императора Вильгельма:—„Теперь начнемъ же мы ихъ молотить". Должно быть, этотъ лозунгъ вдохновилъ соціалъ-демократа сказать не фарисейскую, а положительно фразу Пилата:

„Не за или противъ войны должны мы сегодня рѣшать, а вопросъ о средствахъ, необходимыхъ для защиты страны"...

А конецъ этой знаменитой рѣчи?

„Мы надѣемся, что жестокая школа страданій войны разбудитъ во многихъ милліонахъ отвращеніе къ войнамъ, и эти милліоны будутъ выиграны для идеала соціализма и мира народовъ. Руководимые этими основаніями мы разрѣшаемъ требуемые кредиты".

Вильгельмъ II, фонъ Бетманъ-Гольвегъ, генералъ Хеліусъ, собравшіеся помолотить Европу ради торжества идеала соціализма!...

Какъ бы то ни было, но при такомъ настроеніи народа, въ лицѣ его представительства, г. фонъ Бетманъ-Гольвегъ допустилъ ошибку, ограничившись „скромной суммой" въ 5 милліардовъ. Очевидно, онъ такъ же былъ увѣренъ, что mit Russland werden wir bald fertig, и что этой суммы хватитъ до полученія контрибуціи. Изъ всѣхъ ошибокъ германскаго правительства въ этой войнѣ, эта ошибка оказалась наиболѣе исправимая и когда г. фонъ Бетманъ-Гольвегъ потребовалъ отъ народа новые 5 милліардовъ, рейхстагъ далъ ихъ ему единогласно. Правда, депутатъ Либкнехтъ протестовалъ, но именно протестъ Либкнехта меньше всего можетъ служить симптомомъ чего либо. Этотъ enfant ter-

rible германской соціалъ-демократіи тѣмъ и знаменитъ, что онъ и нѣкоторые его товарищи никогда ни съ кѣмъ и ни съ чѣмъ не согласны.

Но одно дѣло разрѣшить кредитъ, другое получить по нему деньги. Какъ не увѣренъ—былъ, по крайней мѣрѣ,—нѣмецкій народъ въ исходѣ войны и ожидающемъ его обогащеніи, но оплачивать наличными авансами это будущее онъ не торопился. Нѣмецъ, несомнѣнно, привязанъ къ своему отечеству, не задумавшись пошлетъ близкаго человѣка на бой, примирится съ потерей этого близкаго человѣка, но деньги...—Въ Баваріи существуетъ законъ, запрещающій родителямъ страховать малолѣтнихъ дѣтей свыше той суммы, въ которую самимъ родителямъ обходится содержаніе своихъ дѣтей...

Кость отъ кости своего народа, германское правительство, стращая народъ войной, больше всего напирало на матеріальныя жертвы. Оно знало, что бьетъ по самому больному мѣсту. А когда война была объявлена, начали разжигать народную жадность предстоящими милліардами контрибуціи. Ниже мы приведемъ официальный документъ, гдѣ это обѣщается нѣмецкому народу самымъ положительнымъ образомъ.

Само собою разумѣется, что платить обѣщаютъ тогда, когда занимаютъ, и, открывая подписку на первые два милліарда изъ ассигнованныхъ пяти, германское правительство прибѣгло къ такимъ изумительнымъ пріемамъ, которые, безусловно, заслуживаютъ быть отмѣченными, какъ заканчивающіе зданіе этого колоссальнаго, небывалаго, какъ и сама война, обмана народа своимъ правительствомъ.

Какъ извѣстно, нѣмцы очень гордились „блестящимъ“ результатомъ своего займа. Да и какъ не гордиться? Просили всего два милліарда, а получили четыре съ половиной! Точныя цифры подписки: на заемъ 3.071.376.200, на билеты государственнаго казначейства (Reichsschatzanweisungen) 1.384.752.400, марокъ. Это-ли не успѣхъ? Но...

Удивительна судьба нѣмцевъ въ этой войнѣ. Каждый

„колоссальный" успѣхъ ихъ имѣетъ всегда позади себя какое либо крупное но.

Прежде всего, объявивъ подписку на одинъ милліардъ военнаго займа и на одинъ милліардъ билетовъ государственнаго казначейства, германское правительство не *предупредило* подписчиковъ, что *разверстки не будетъ* и когда, вмѣсто одного милліарда, подписка дала слишкомъ 3, то правительство преспокойно положило всю подписную сумму въ карманъ, „удовлетворивъ" всѣхъ подписчиковъ. Еще оригинальнѣе оно поступило съ излишкомъ подписки на билеты государственнаго казначейства. Согласно вотуму рейхстага билетовъ можно было выпустить лишь на сумму 1 милліарда марокъ. Но такъ какъ подписка дала около 400 милліоновъ лишнихъ, то подписчикамъ *этотъ излишекъ не былъ возвращенъ*, а... ихъ „осчастливили", вручивъ вмѣсто билетовъ казначейства, бумаги того же займа.

Мы не свѣдущи въ банковыхъ и биржевыхъ дѣлахъ и не знаемъ бывали ли подобные прецеденты и раньше гдѣ либо, или же германское правительство явилось піонеромъ подобныхъ финансовыхъ операцій. На несвѣдущихъ онѣ производятъ впечатлѣніе реквизиціи, а не займа... Но это все обнаружилось впослѣдствіи, когда подписка на заемъ уже закончилась. До этого момента, однако, германское правительство, безъ всякаго сомнѣнія, очень опасалось результата подписки. Это видно изъ пріемовъ, какими оно обставило подписку. Выкладки, вычисленія и рекламы этого займа со стороны правительства могутъ служить образцомъ для „банкировъ" всѣхъ странъ и народовъ. Здѣсь мы, однако, этой части дѣла касаться не будемъ. Наша цѣль документально выяснить чему этотъ заемъ обязанъ своимъ успѣхомъ и насколько въ этомъ успѣхѣ участвовалъ нѣмецкій народъ, порывомъ „жертвовать на алтарь отечества".

11-го сентября (н. с.) была объявлена подписка на первый милліардъ изъ разрѣшенныхъ рейхстагомъ пяти. Уже то обстоятельство, что срокъ подписки былъ растя-

нутъ на 9 дней,—съ 11-го по 19-е сентября,—свидѣтельствуетъ, что большой увѣренности въ успѣхѣ займа не было, несмотря на низкую эмиссію и небывало высокій для государственныхъ бумагъ Германіи 5% дивидендъ (также и для билетовъ казначейства). Но, повторяемъ, эти благопріятныя условія, очевидно, не создавали увѣренности, и 10 сентября, наканунѣ перваго дня подписки, во всѣхъ нѣмецкихъ газетахъ, отъ берлинскихъ до страсбургскихъ включительно, было напечатано пламенное воззваніе германскаго министерства финансовъ къ нѣмецкому народу.

Мы приведемъ нѣкоторыя выдержки этой, въ высшей степени интересной, прокламаціи; иначе ее характеризовать нельзя.

„Великое поставлено на карту! Отъ нашей финансовой слабости врагъ ожидаетъ еще спасенія своего. Успѣхъ займа долженъ разрушить эту надежду.

Побѣды, уже теперь одержанныя нашими войсками на западѣ и на востокѣ, даютъ право надѣяться, что и въ этотъ разъ, какъ въ 1870—1871 г.г., всѣ расходы и тяготы войны падутъ на тѣхъ, кто нарушилъ миръ германской имперіи".

„Нѣмецкіе капиталисты! Докажите, что вы охвачены тѣмъ же духомъ, что и герои наши, проливающіе кровь сердца своего въ бояхъ. Бережливые нѣмцы! (Deutsche Sparer!) Докажите, что вы сберегали не только для себя, но и для отечества. Нѣмецкія корпораціи, учрежденія, кассы, институты, общества! Вы, возросшія и расцвѣтшія подъ могучимъ покровительствомъ имперіи! Отблагодарите ее въ этотъ тяжелый часъ судьбы ея. Нѣмецкіе банки и банкиры! Докажите, какое вліяніе ваша блестящая организація можетъ оказать на вашихъ кліентовъ!

То, что отъ васъ требуется—даже не жертва! Вамъ предлагаютъ по дешевому курсу цѣнныя бумаги величайшей надежности, съ великолѣпнымъ доходомъ“.

Отпечатали и стали ждать результатовъ. Но они были убійственные. Съ 11 по 16 сентября никакой подписки на заемъ не было. Только одна мюнхенская сберегательная касса отозвалась. И это, несмотря на усиленныя старанія печати, изо дня въ день апеллировавшей къ народу, къ его чувству патріотизма, но, еще больше, къ его жадности. Тутъ-то и приводились тѣ изумительныя вычисленія и выкладки, о которыхъ мы говорили выше.

Но все это не помогло. Пять подписочныхъ дней прошли, не давъ никакой подписки. Тогда правительство прибѣгло къ героическому средству. Извѣстно, какъ долго, упорно и страстно борется нѣмецкая соціалъ-демократія за введеніе въ имперіи подоходнаго и на состоянія налоговъ. Въ рукахъ соціалъ-демократіи эта борьба — величайшій козырь при выборныхъ агитаціяхъ, такъ какъ не только правительство и консерваторы, но и всѣ Bürgerliche партіи и слышать не хотятъ о такихъ налогахъ. И вотъ 16/3 сентября, опять-таки во всѣхъ газетахъ, было напечатано слѣдующее предупрежденіе:

„Въ общихъ интересахъ крайне желателенъ полный успѣхъ подписки на военный заемъ для того, чтобы не вынудить правительство добывать необходимыя ему на военныя нужды большія суммы военными налогами. Въ такое время, когда ввозъ и вывозъ Германіи совершенно остановились, когда застой въ промышленности и торговлѣ крайне неблагопріятно отразился на заработкахъ широкихъ слоевъ народа,—не можетъ быть и вопроса о военныхъ налогахъ на предметы потребленія. Только прямой налогъ на состоянія (Vermögenssteuer) и привлеченіе крупныхъ доходовъ могутъ покрыть военный налогъ. Поэтому крайне желательно, чтобы необходимыя для веденія войны средства были добыты займомъ, дабы не возбуждать вопроса о военныхъ налогахъ".

Это memento оказало, какъ мы увидимъ ниже, мага-

ческое дѣйствіе, но правительство, повидимому, все еще сомнѣвалось, и 17/4 сентября опубликовало новое, элегически-героическое воззваніе къ народу:

„Малодушные могутъ сказать себѣ: „Мы должны бороться на три фронта. Кто знаетъ, какъ это кончится? Мы это знаемъ, уже теперь знаемъ! За шесть недѣль исчезли всѣ опасенія, превзойдены самыя смѣлыя надежды! Бельгія наша! На Марнѣ ослабѣваетъ послѣднее сопротивленіе нашимъ войскамъ въ ихъ движеніи на Парижъ! Двѣ русскія арміи, предводители которыхъ хвастались ко дню Седана быть въ Берлинѣ, уничтожены! Наши чиновники управляютъ Брюсселемъ и Сувалками! Сотни тысячъ плѣнныхъ, цѣлая обезоруженная армія, силою въ 8—9 корпусовъ, наполняетъ бараки нашихъ городовъ!"

Mein Liebchen! Was willst du noch mehr?!—невольно вспоминается при чтеніи этой бравады. Допуская, однако, что и послѣ всего этого все-таки скептики могутъ еще найтись, министерство, въ другомъ воззваніи, того же 4/17 сентября доказало имъ ясно, какъ дважды два четыре, что скупость ихъ нисколько имъ не поможетъ.

„Когда вся наша общественная и культурная жизнь поставлена на карту, когда милліоны людей мужественно рискуютъ своей жизнью, тогда каждая отдѣльная единица въ странѣ не должна бояться риска. Уничтоженіе цѣлаго не спасетъ вѣдь и ее!"..

Словомъ, побѣда-ли, пораженіе, а деньги давать нужно...

Мы еще разъ повторяемъ, и даже подчеркиваемъ,—всѣ эти бравады, прокламаціи, воззванія не продуктъ вдохновенія какой либо неумной нѣмецкой газеты, разсчитывавшей на неумныхъ читателей. Всѣ эти имѣющіе право на исторію документы составлены германскими имперскими кредитными учрежденіями и напечатаны во всѣхъ нѣмецкихъ газетахъ за указанныя выше числа.

Трудно сказать, какое вліяніе оказали эти элегіи на

нѣмецкій народъ. Если судить по результатамъ первой прокламаціи—вѣроятно, небольшое, и весь успѣхъ блестящей подписки на заемъ слѣдуетъ, по справедливости, отнести за счетъ упомянутаго выше героическаго средства: угрозы ввести военные налоги на состоянія и крупные доходы.

Но прежде, чѣмъ мы выяснимъ результатъ этой мѣры, считаемъ не лишнимъ привести два распоряженія германскаго правительства, имѣющія чисто юридическій характеръ.

16/3 сентября по всѣмъ сберегательнымъ кассамъ имперіи отданъ былъ приказъ: не считаясь съ уставами, немедлено выдавать досрочно всѣ срочные вклады, если владѣльцы ихъ заявятъ, что они намѣрены употребить эти суммы на заемъ.

18/5 сентября всѣмъ опекунамъ, попечителямъ, покровителямъ (Beistände) сдѣлано „предложеніе": всѣ имѣющіяся у нихъ деньги ихъ подъопекаемыхъ, не только наличныя, но и имѣющія поступить въ октябрѣ, обратить на подписку на военный заемъ. Для того, чтобы это „предложеніе" возымѣло большую силу, тутъ же приводился подлежащій подражанію примѣръ: такой то (по мѣсту появленія замѣтки) королевскій Amtsgericht, какъ опекунская власть (Vormundschaftsbehörde), уже поступилъ въ сказанномъ смыслѣ.

И несомнѣнно, что немало сиротскихъ денегъ помогло „колоссальному" успѣху займа... Но всѣмъ своимъ блескомъ онъ обязанъ исключительно упомянутой выше героической мѣрѣ.

Въ нашемъ распоряженіи имѣется солидный, проникшій въ нѣмецкую печать, матеріалъ, перечисляющій подписчиковъ на заемъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что матеріалъ нашъ не составляетъ и сотой доли дѣйствительныхъ подписчиковъ *этого порядка*. Тѣмъ не менѣе, мы и изъ этой сотой доли, по размѣрамъ мѣста, можемъ привести лишь тѣ „патріотическія" записи, которыя превышаютъ милліонъ марокъ.

На заемъ подписались:

Сберегательныя кассы: Мюнхена—10 милл., Шарлотен-

бурга—8,5 милл., Мангейма—5 милл., Округа Зааль—4 милл., Галле — 3 милл., Округа Мерсъ — 2,6 милл., Бреславля — 2 милл. *).

Промышленные союзы: Провинціальный союзъ Рейна—65 милл., Союзъ промышленниковъ Вестфаліи—50 милл., Союзъ промышленниковъ Бранденбурга—25 милл.

Страховыя общества: Викторія — 20 милл., Бранденбургъ —20 милл., Фридрихъ-Вильгельмъ—10 милл., Сѣверная Звѣзда—8 милл., Берлинское—5 милл.

Общественныя и промышленныя организаціи: Земельный комитетъ Висбадена—16 милл., Рейнско-Вестфальскій угольный синдикатъ—10 милл., Аахенскій союзъ поощренія труда—10 милл., Страховой союзъ чиновниковъ—4 милл., Пароходное общество „Космосъ"—3 милл., Т-во по постройкѣ ж. д. путей—2,1 милл., Союзъ работодателей Кельна—1,5 милл.

Частныя лица: г-нъ и г-жа Круппъ—30 милл., г-нъ Мендельсонъ—15.

Такимъ образомъ, 24 „патріота", которымъ пригрозили налогомъ на состоянія и доходы, покрыли треть требовавшейся суммы,—точно: триста двадцать девять милліоновъ семьсотъ тысячъ германскихъ марокъ.

Мы опять должны повторить: это число патріотовъ лишь микроскопическая часть „пострадавшихъ" за родину на сумму свыше милліона марокъ. Привести же, далеко неполный, списокъ „пострадавшихъ" на суммы отъ 100.000 до

---

*) Во избѣжаніе ошибочныхъ выводовъ пояснимъ, что въ этихъ милліонныхъ записяхъ сберегательныхъ кассъ вкладчики ихъ участія не принимали. Уставы германскихъ кассъ предоставляютъ послѣднимъ право самостоятельно распоряжаться извѣстной частью вкладовъ по своему усмотрѣнію, не запрашивая согласія вкладчика. Кромѣ того, кассы располагаютъ огромными суммами, принадлежащими имъ лично. Изъ этихъ-то личныхъ и находящихся въ безконтрольномъ распоряженіи кассъ суммъ вкладчиковъ и ассигновывались десятки милліоновъ на „патріотическій" заемъ.

милліона включительно—невозможно. Не слѣдуетъ также забывать, что изъ огромной, покрывающей всю страну, сѣти сберегательныхъ кассъ перечислены лишь 7, и то далеко не первоклассныхъ. Нѣтъ напр., кассъ Берлина (располагаетъ капиталомъ въ 400 милліоновъ марокъ), Гамбурга, Дрездена, Кельна и друг. А именно этимъ учрежденіямъ заемъ обязанъ своими, такъ импонирующими милліардами. Это доказывается не только милліонными записями перечисленныхъ семи кассъ, но и случаемъ съ кассой Вайссензее. Эта касса, подписавшаяся сама *всего* на 200.000 марокъ, осмѣлилась, однако, посовѣтовать своимъ кліентамъ не увлекаться военнымъ займомъ, за что и подверглась со стороны печати невѣроятнымъ нападкамъ и обвиненіямъ до государственной измѣны включительно.

Выводъ изъ всего сказаннаго тотъ, что при такихъ мѣрахъ со стороны правительства и при такомъ „патріотизмѣ" успѣхъ германскаго займа, по справедливости, долженъ бы быть еще болѣе блестящимъ. Однако, приписать этотъ успѣхъ жертвенному порыву народа, положительно никакихъ основаній нѣтъ.

Полученные 5 милліардовъ марокъ, „вопреки надеждамъ" германскаго канцлера, оказались недостаточными, а моментъ, когда „всѣ расходы и тяготы войны падутъ на тѣхъ, кто нарушилъ миръ германской имперіи", все удаляется. Денегъ же теперь Германіи требуется много, очень много: широко организованная помощь семьямъ призванныхъ на войну; не менѣе широкая государственная помощь бѣженцамъ Восточной Пруссіи; финансовыя мѣры къ ослабленію нужды среди безработныхъ,—всѣ эти экстраординарныя внутреннія нужды требуютъ не десятки, а сотни милліоновъ. Достаточно сказать, что каждая семья призваннаго получаетъ, минимумъ, 25 марокъ въ мѣсяцъ (12 марокъ жена и по 6 марокъ на каждаго ребенка); а такихъ призванныхъ свыше 4 милліоновъ. А расходы войны! Помимо чудовищныхъ тратъ на собственныя военныя надобности,—Германіи

нынѣ приходится оплачивать расходы взятой на содержаніе Турціи.

Вѣроятно, не за горами время, когда будетъ приступлено къ реализаціи и вторыхъ, только что ассигнованныхъ рейхстагомъ, 5 милліардовъ марокъ. Какія мѣры будутъ приняты германскимъ правительствомъ, чтобы создать успѣхъ и второму займу, предвидѣть трудно. Побѣдъ къ этому времени не предвидится, экономическое состояніе страны ухудшится. Правда, остается все тотъ же дамокловъ мечъ для богатыхъ нѣмцевъ —угроза налогомъ на состоянія и крупные доходы. До „безчувствія" этимъ мечемъ бить не будутъ, но разъ, два ударятъ; однако, несомнѣнно, что второй ударъ будетъ, по результатамъ, значительно слабѣе перваго. Обосновывая свои выводы исключительно фактическимъ матеріаломъ, мы воздержимся отъ передачи слуховъ, упорно циркулирующихъ въ Германіи, о принятыхъ уже германскимъ правительствомъ мѣрахъ, обезпечивающихъ подписку на второй заемъ; скажемъ лишь, что, если теперь въ мірѣ существуетъ страна неограниченныхъ возможностей, то это именно Германія. Возможно, что и эта сумма будетъ какъ-нибудь реквизирована. Имѣя кое-какія свѣдѣнія о Германіи, не только по книгамъ и газетамъ, мы можемъ только сказать, что германскому правительству, при реализаціи второго 5 милліарднаго займа предстоитъ трудная, почти невыполнимая, задача. Этотъ колоссальный заемъ, слѣдующій непосредственно за первымъ, такой же колоссальной суммы, прежде всего разрушитъ надежду на скорое заключеніе мира, которой живетъ въ этой войнѣ нѣмецкій народъ. Будетъ ли онъ также продолжать вѣрить въ конечную побѣду, мы не знаемъ; но даже, если эта вѣра и сохранится, нѣмецкій народъ денегъ не дастъ. Если уже въ началѣ когда дѣла войны шли такъ блестяще для Германіи, пришлось бить по всѣмъ струнамъ народной души, чтобы заставить народъ раскошелиться, да и то довольно неудачно, то теперь можно положительно утверждать, что германское правитель-

ство на народныя средства никоимъ образомъ не разсчитываетъ. Крупные капиталисты внесли уже свою „лепту“ на первый заемъ и, какъ мы видѣли, огромными суммами. На банковыя учрежденія тоже надѣяться нельзя. Они обременены такими колоссальными обязательствами по всевозможнымъ промышленнымъ предпріятіямъ, что болѣе или менѣе крупное участіе банковъ своими средствами въ этомъ займѣ грозитъ катастрофальнымъ крахомъ всей нѣмецкой промышленности, и такъ, благодаря войнѣ и блокадѣ, переживающей страшный кризисъ... Остаются, стало быть, однѣ сберегательныя кассы—главная, вѣрнѣе, единственная надежда германскаго правительства. Эти учрежденія сберегаютъ все народное богатство страны, почти 20 милліардовъ марокъ, которое могло бы явиться неисчерпаемымъ источникомъ для германскаго правительства, если бы... сберегательныя кассы дѣйствительно, фактически располагали этими милліардами. Но этого нѣтъ. Болѣе половины упомянутой колоссальной цифры помѣщено подъ закладныя (Hypotheken) на городскія недвижимыя имущества. О томъ, чтобы реализовать въ данный моментъ эти закладныя, и думать нельзя. Домовладѣльческій кризисъ въ Германіи долженъ наступить въ самомъ непродолжительномъ времени, и трудно даже предугадать, сколько народныхъ денегъ при этомъ потеряется. Что касается остающихся милліардовъ, то и они, въ очень большой части, помѣщены въ цѣнныя бумаги государственныхъ и городскихъ займовъ, которыя тоже невозможно выбрасывать на рынокъ, изъ опасенія совершенно обезцѣнить ихъ. Сумма, оставшаяся отъ закладныхъ и процентныхъ бумагъ, частью ушла на почти принудительную подписку перваго займа, частью взята вкладчиками обратно. Жизнь съ каждымъ днемъ дорожаетъ, заработковъ нѣтъ, и годами копившій свои пфенниги нѣмецъ, волей-неволей, долженъ проѣдать ихъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что наличность германскихъ сберегательныхъ кассъ въ настоящій моментъ значительно ниже требующейся германскому правительству суммы.

Если бы не то обстоятельство, что Германія теперь страна неограниченныхъ возможностей, то прогнозъ, что новый заемъ потерпитъ фіаско былъ бы не только логически, но и фактически правильный. При неограниченныхъ же возможностяхъ, мы воздержимся отъ прогнозовъ; повторимъ лишь, что требованіемъ новаго кредита въ 5 милліардовъ германское правительство поставило себѣ почти неразрѣшимую задачу. И тѣ упорные бои, которые теперь происходятъ въ Польшѣ, помимо своего прямого значенія, преслѣдуютъ и другую важую цѣль: какой либо сногсшибательной, хотя-бы, кратковременной, побѣдой, ослѣпить нѣмецкій народъ, заставить его дать денегъ. И можно заранѣе предвидѣть, что для этой цѣли императоръ Вильгельмъ и его правительство принесутъ въ жертву все, что только въ ихъ силахъ, ослабивъ ради нея и свою западную границу, быть-можетъ, оставивъ даже на произволъ судьбы своего „доблестнаго союзника".

По существу трудно даже сказать, что больше и вѣрнѣе ведетъ къ разрушенію Германіи: страшное ли уничтоженіе войной цвѣта ея населенія или эти займы. Германія, гордившаяся тѣмъ что въ 1912 году ея государственный долгъ былъ ниже англійскаго на 14 марокъ на каждую душу населенія, къ началу войны уже сравнилась съ Англіей, а за 5 мѣсяцевъ войны увеличиваетъ этотъ долгъ на 155 марокъ на каждую душу своего населенія, считая грудныхъ младенцевъ и столѣтнихъ стариковъ. . . Огромные государственные налоги: косвенные, на предметы первой необходимости и прямые; еще того большіе налоги коммунальные, достигающіе мѣстами 150% государственныхъ прямыхъ, и такъ уже были непосильнымъ бременемъ для нѣмецкаго народа, а тутъ за 6 мѣсяцевъ войны взваливается новый государственный долгъ, почти въ 1000 марокъ на каждую среднюю нѣмецкую семью.

Весь міръ и воюющій, и нейтральный, правильно надѣется и разсчитываетъ, что съ окончаніемъ войны эконо-

мическая и промышленная жизнь народовъ получитъ небывалый размахъ и расцвѣтъ. У германскаго народа этой надежды не можетъ, по крайней мѣрѣ, не должно быть. Ненависть, какую возбудила противъ себя Германія, обрушивъ на человѣчество страшное бѣдствіе этой войны, забудется не скоро, и оконченная война застанетъ Германію обезлюдѣвшую, раззоренную, страшно задолженную внутренними долгами и безъ всякихъ перспективъ въ будущемъ. Германія, превратившаяся въ огромную промышленно-заводскую фабрику, одинъ десятокъ лѣтъ предоставленная самой себѣ,— это и есть то неизбѣжное слѣдствіе этой войны, влекущее за собой неотвратимый конецъ Германіи...

ГЛАВА VII.

Бельгія.

Императоръ Вильгельмъ. Офиціальное объясненіе уничтоженія Лувена. Нѣмецкіе данные. Начало уничтоженія Бельгіи и бельгійцевъ. Грабежи. Списокъ уничтоженныхъ городовъ и селеній. Городъ Динанъ.

1.

Въ предисловіи къ нашей книжкѣ мы уже отмѣтили, что пользуемся исключительно матеріаломъ и источниками нѣмецкой печати. Приступая къ этой главѣ, мы считаемъ умѣстнымъ еще разъ упомянуть, и даже подчеркнуть это обстоятельство и добавить еще, что всѣ данныя и свѣдѣнія, сообщаемыя ниже, взяты изъ корреспонденцій нѣмецкихъ газетъ, оффиціальныхъ и оффиціозныхъ сообщеній бюро Вольфа, писемъ съ войны и случайныхъ замѣтокъ. Это обиліе *частныхъ* сообщеній не должно, однако, вызывать сомнѣнія въ ихъ правдивости. Дѣло въ томъ, что съ момента объявленія военнаго положенія въ Германіи, вся печать ея подвергается цензурѣ и особенно цензурѣ военной, работающей, какъ при штабахъ дѣйствующихъ армій, такъ и въ каждомъ городѣ, такъ наз. „Generalkommando". Не только статьи, корреспонденціи, письма, но и самыя незначительныя замѣтки, имѣющія въ текстѣ слова „Militär, Krieg" и т. п., тщательнѣйшимъ образомъ провѣряются военной цензурой, и мы въ правѣ разсматривать нашъ матеріалъ, какъ матеріалъ, оффиціально одобренный и провѣренный германскими военными властями.

О вандализмѣ германцевъ въ этой войнѣ писалось и сообщалось такъ много и такъ подробно, что повторять описанія воистину нечеловѣческихъ жестокостей, совершен-

ныхъ нѣмцами во Франціи и Бельгіи, безцѣльно. Это значитъ растравлять незаживающую рану. Мы и не будемъ повторяться. Но дѣло въ томъ, что сами нѣмцы отрицаютъ эти жестокости, увѣряя, что всѣ сообщенія объ этомъ — злостная клевета враговъ; тамъ-же, гдѣ очевидность слишкомъ уже бьетъ въ глаза, германское правительство оправдывается все той же „печальной необходимостью" защищаться и обороняться. Необходимо также отмѣтить, что съ укоромъ врагамъ и къ самооправданіямъ Германія приступила лишь послѣ разрушенія Лувена, когда это дикое варварство возмутило весь міръ и, очевидно, смутило самихъ „героевъ торжества". О томъ, что сдѣлано нѣмцами до Лувена и какъ они сами относились къ своимъ подвигамъ, извѣстно мало. Бельгія въ рукахъ, вѣрнѣе, въ тискахъ у нѣмцевъ и пока недоступна для изслѣдованія; убитые въ могилахъ; бѣжавшіе же, пережившіе весь нечеловѣческій ужасъ нѣмецкаго нашествія,—едва ли могутъ дать фактическое и ясное представленіе объ этомъ ужасѣ.

Волей неволей, поэтому, надо покуда довольствоваться свидѣтельствомъ самихъ нѣмцевъ; самимъ себѣ они, вѣроятно, повѣрятъ. Что же разсказываютъ нѣмцы о своихъ собственныхъ „геройствахъ" въ Бельгіи?

Когда возмущеніе разрушеніемъ Лувена стало всеобщимъ и заставило весь міръ обратить вниманіе на характеръ веденія войны нѣмцами, императоръ Вильгельмъ отправилъ, 7 сентября (25 августа), президенту Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, Вильсону, телеграмму, слѣдующаго содержанія:

„Я считаю своей обязанностью сообщить вамъ, г-нъ президентъ, какъ выдающемуся представителю основъ человѣчества, что послѣ занятія французской крѣпости Лонгви моими войсками были обнаружены тамъ тысячи пуль думъ-думъ".

„Вы знаете, какія ужасныя раны и страданія причиняютъ эти пули, и что употребленіе ихъ запрещено

всѣми признанными нормами международнаго права. Поэтому я обращаю къ вамъ мой торжественный протестъ противъ подобнаго способа веденія войны, который, благодаря методу нашихъ противниковъ, сталъ однимъ изъ самыхъ варварскихъ, какіе только знакомы исторіи".

На этомъ торжественный протестъ вдругъ прерывается и современный палладинъ международнаго права, съ девизомъ „Not kennt kein Gebot", поборникъ гумманизма, отправившійся на войну съ крикомъ: „теперь начнемъ же мы ихъ молотить",—императоръ Вильгельмъ II начинаетъ оправдываться и обвинять своихъ враговъ:

„Не только это жестокое оружіе употребляютъ они, но Бельгійское правительство, задолго до начала войны, заботливо подготовило и открыто поощрило участіе мирнаго населенія въ борьбѣ. Жестокости, проявленныя даже женщинами и священниками въ этой партизанской войнѣ, даже въ отношеніи раненыхъ солдатъ, врачебнаго персонала и санитаровъ (врачи убивались, лазареты обстрѣливались), были такого свойства, что мои генералы были вынуждены, наконецъ, принять строжайшія мѣры, чтобы наказать виновныхъ и отпугнуть кровожадное населеніе отъ его дальнѣйшихъ гнусныхъ, разбойныхъ и позорныхъ дѣяній. Нѣсколько селъ и даже древній городъ Лувенъ, за исключеніемъ художественнаго городского дома, должны были подвергнуться уничтоженію, ради самозащиты и охраны моихъ войскъ. Мое сердце обливается кровью, когда я вижу, что такія мѣры стали неизбѣжными, и когда я думаю о безчисленныхъ невинныхъ людяхъ, потерявшихъ свои очаги и все свое состояніе, вслѣдствіе варварскаго поведенія тѣхъ преступниковъ".

Фатальныя для всѣхъ германскихъ оффиціальныхъ документовъ этой войны „неточности" не миновали и этой телеграммы императора Вильгельма: вначалѣ онъ говоритъ,

что пули думъ-думъ были найдены во взятой крѣпости; нѣсколько строкъ ниже онъ уже утверждаетъ: не только эти пули „употреблялись" его врагами, но бельгійское правительство „задолго до войны заботливо подготовило населеніе къ партизанской войнѣ". Германское правительство дѣйствительно утверждало, что бельгійское, будто бы, поощряло народъ къ партизанскимъ дѣйствіямъ. Императоръ Вильгельмъ, неизвѣстно на чемъ основываясь, утверждаетъ, что была заботливая правительственная подготовка задолго до войны. Очень оно уже мудрое, это бельгійское правительство, задолго до такъ неожиданно сорвавшейся войны знавшее, что она будетъ, что Германія будетъ руководствоваться новымъ завѣтомъ: „Not kennt kein Gebot" и что нѣмцы проявятъ себя такъ, какъ они себя проявили...

Но это опять-таки мелочь, въ сравненіи съ другими „подвигами" императора Вильгельма въ этой войнѣ; существенное же то, что начатый такъ торжественно протестъ, кончается жалкими попытками оправдаться.

„Древній городъ Лувенъ" ... Отнынѣ онъ не только древній, но онъ долженъ стать и священнымъ городомъ, какъ великомученикъ, растерзанный вандалами 20 вѣка. . .

Когда весь міръ, за исключеніемъ тевтонскаго, содрогнулся отъ ужаса при извѣстіи о дикой расправѣ нѣмцевъ съ этимъ древнимъ городомъ и съ его незамѣнимыми и неоцѣнимыми драгоцѣнностями, нѣмцы попытались ослабить гнетущее впечатлѣніе, и телеграмма императора Вильгельма есть прямое слѣдствіе возмущенія всего міра. Потомъ нѣмцы стали увѣрять, что Лувенъ вовсе не разрушенъ, а такъ, чуть-чуть попорченъ. Послали даже спеціально директора нѣмецкаго банка Хелльферрейхъ, который потомъ напечаталъ, что Лувенъ чуть ли даже не краше сталъ съ разрушеніемъ его. Но, вѣдь, императоръ Вильгельмъ телеграфируетъ президенту Вильсону: „Древній городъ Лувенъ, за исключеніемъ художественнаго городского дома, разрушенъ". Кому же вѣрить? Директору нѣмецкаго банка

Хелльферрейху или императору Вильгельму, о которомъ нѣмецкія газеты пишутъ: „Императору должны вѣрить; императоръ—это сама истина".

Но, весь ли разрушенъ Лувенъ, или часть его осталась, – одно лишь несомнѣнно, что такое ужасное наказаніе могло послѣдовать лишь дѣйствительно за гнусное и позорное поведеніе преступнаго города. Что же онъ сдѣлалъ нѣмцамъ, за что подвергся разрушенію?

Лувенъ уничтоженъ нѣмцами 25/12 августа. Объ этомъ газета „Berliner Lokal Anzeiger", помѣстила слѣдующую телеграмму:

„Аахенъ. 26 августа. По разсказамъ раненыхъ, населеніе Лувена вчера стрѣляло въ отрядъ больныхъ ногами, поэтому нѣсколько домовъ было обстрѣляно".

Черезъ два дня, когда обнаружилось, что обстрѣлъ нѣсколькихъ домовъ оказался гибелью всего города, телеграфное бюро Вольфа разослало объ этомъ циркулярную телеграмму, передающую сообщеніе главной квартиры:

„Побоище обратилось почти въ 24 часовое сраженіе, продолжавшееся почти до вечера среды. Пожаръ свирѣпствовалъ въ четырехъ пунктахъ, превративъ цѣлыя части города въ пепелъ. Уничтоженіе распространилось также и на пригородъ Эррентъ (Herent). Наши добрые ополченцы и обозные солдаты не убійцы-поджигатели; если они такъ разрушили древній, знаменитый городъ, то это произошло лишь изъ горькой необходимости. Безуміе населенія Лувена можно объяснить лишь тѣмъ, что безсовѣстное правительство не ознакомило его съ побѣднымъ шествіемъ нѣмцевъ".

Мы привели это оффиціальное сообщеніе главной квартиры дословно. Въ комментаріяхъ оно не нуждается.

Но, очевидно, фактъ этого дикаго поступка очень уже смутилъ самихъ „героевъ", и въ тотъ же день, тоже бюро Вольфа разослало новое объясненіе главной квартиры, дан-

ное ею военному корреспонденту „Deutsche Tageszeitung", Шейерману, которое мы приведемъ дословно:

„Еще наканунѣ вечеромъ Лувенъ представлялъ глубокую мирную картину. Когда, во вторникъ, получилось извѣстіе о вылазкѣ изъ Антверпена, въ городѣ оставалось лишь немного нашихъ войскъ. Между ними откомандированный для охраны службы на желѣзной дорогѣ баталіонъ ополченцевъ Рейсъ, не думавшій ни о какихъ враждебныхъ дѣйствіяхъ противъ населенія. Вдругъ убійственный огонь жителей во всѣхъ частяхъ города противъ нашихъ, ничего не подозрѣвавшихъ войскъ. Коварные негодяи стрѣляли повсюду: съ крышъ, съ верхнихъ этажей и позади нашихъ солдатъ. Перебиты штабныя лошади, и пять штабныхъ офицеровъ ранено. Бой на улицахъ продолжался до среды вечера, когда наши осилили коварныхъ убійцъ, способъ веденія войны которыхъ не могъ быть терпимъ. Высшій военный судъ присудилъ къ смертной казни множество виновныхъ, захваченныхъ съ оружіемъ въ рукахъ, въ томъ числѣ двухъ священниковъ, раздававшихъ патроны партизанамъ".

Итакъ, три версіи преступленія Лувена, изъ которыхъ двѣ оффиціальныя и до того бѣдныя фантазіей, что и комментировать ихъ какъ то совѣстно. Позволительно лишь поставить нѣсколько вопросовъ: кѣмъ же собственно сожженъ Лувенъ? Какъ это такъ случилось, что въ городѣ, въ которомъ оставался одинъ баталіонъ ополченцевъ и обозныя колонны, оказался цѣлый штабъ, и неужели сами нѣмцы не удивляются тому, что въ сраженіи, продолжавшемся 24 часа, всего оказалось раненыхъ пять офицеровъ и ни одного солдата? Неужели нѣмцы не радуются тому, что „наши добрые ополченцы и обозные", стрѣляя по всѣмъ направленіямъ 24 часа, подстрѣлили только пять человѣкъ своихъ офицеровъ? За что же уничтоженъ древній знаменитый городъ? Гдѣ, въ этихъ оффиціальныхъ сообщеніяхъ, факти-

ческія доказательства гнусныхъ убійствъ и жестокостей даже женщинъ и священниковъ? Гдѣ стрѣльба по раненымъ солдатамъ? Гдѣ убитые врачи и обстрѣлянные лазареты? Словомъ, гдѣ всѣ тѣ ужасы, о которыхъ императоръ Вильгельмъ сообщаетъ въ своей телеграммѣ президенту Вильсону? Ужасы, „вынудившіе моихъ генераловъ разрушить, за исключеніемъ художественнаго городского дома, древній городъ Лувенъ?“.

А вѣдь приведенныя выше объясненія даны германскимъ правительствомъ оффиціально; они опубликованы бюро Вольфа 29/16 августа, по даннымъ главной военной квартиры.

За что же нѣмцы разрушили древній городъ Лувенъ?

2.

Въ своей телеграммѣ императоръ Вильгельмъ говоритъ, что его генералы вынуждены были разрушить, кромѣ древняго города Лувена, еще „нѣсколько деревень“. Онъ не сообщаетъ какія деревни и сколько это: „нѣсколько“. Скажемъ мы, и не только о деревняхъ, но и о городахъ и мѣстечкахъ.

Но мы прежде установимъ точно моментъ, когда нѣмцы приступили къ уничтоженію Бельгіи и мирнаго бельгійскаго населенія.

Въ нашемъ распоряженіи имѣется письмо одного участника нѣмецкаго похода въ Бельгію, датированное 8-мъ августа (26 іюля), заканчивающееся такъ:

„При невѣроятномъ дождѣ, льющемъ уже нѣсколько дней подрядъ, мы должны были бивакировать на совершенно разрыхленной глинистой землѣ, и, послѣ того, какъ мы уже сдѣлали переходъ въ 50 километровъ, мы вечеромъ опять двинулись обратно, километровъ на 20—25, проходя ночью черезъ деревни, съ ихъ ненадежнымъ населеніемъ. Сами мы до сихъ поръ, какъ исключеніе, прошли благополучно. Однако, скоро, быть можетъ уже сегодня, будетъ иначе.

Мы сами еще позавчера разстрѣляли шесть и повѣсили трехъ партизановъ, въ то время, какъ другіе отряды должны были вчера разстрѣливать такихъ коварныхъ убійцъ ежесекундно. Помѣщенія подлыхъ убійцъ-поджигателей сначала обыскиваются за жизненными припасами для войскъ, а потомъ поджигаются. Ты едва ли можешь представить себѣ страшныя картины ужаса на нашемъ пути отступленія по уничтоженнымъ, обычно дивно цвѣтущимъ мѣстамъ. Здѣсь и тамъ, по дорогамъ разстрѣлянные жители, горящіе дома, дымящіяся развалины *).

Письмо датировано 8-го августа. Писавшій сообщаетъ, что позавчера, т. е., 6-го числа, онъ увидалъ такъ ужаснувшую его картину убійствъ и разрушенія на пути отступленія нѣмцевъ по только что ими же пройденнымъ цвѣтущимъ мѣстамъ. Отступили на 25 километровъ, т. е., на разстояніе дневного перехода. Такимъ образомъ устанавливается, что нѣмцы, перейдя четвертаго августа

---

*) Намъ письмо это представляется свидѣтельствомъ большой цѣнности, поэтому приводимъ его текстуально.

Bei einem unglaublichen Regen, der hier schon Tage dauerte, mussten wir auf volständig durchweichten Lehmboden biwakieren, rückten später, nachdem wir gerade einen Marsch von 50 Kilometern hinter uns hatten, abends wieder 20 bis 25 Kilometer, und nachts durch die Dörfer mit ihrer unsicheren Bevölkerung. Wir selbst sind bis jetzt ausnahmsweise günstig fortgekommen, besonders wohl, weil wir im eigentlichen Feuer noch nicht gewesen sind. Doch wird es wohl bald, vielleicht heute, anders kommen. Wir selbst hatten noch vorgestern etwa sechs Franktireurs erschossen und drei gehänkt, während von anderen Truppen gestern alle Augenblicke solche hinterhaltige Meuchelmörder erschossen werden mussten. Die Wohnungen wurden dann nach Lebensmitteln für die Truppen durchsucht, die Häuser der gemeinen Mordbrenner dann in brand gesetzt. Du kannst dir die Bilder des Grausens und Entsetzens auf unseren rückmarsch durch die verwüsteten, sonst herrlich blühenden Ortschaften kaum vorstellen. Hier und da am Wege erschossene Bewohner, brennende Häuser, rauchende Trümmerhaufen" („Hamburger Fremdenblatt" 12. August, 1914).

(22 іюля) бельгійскую границу, уже 5 числа (23 іюля) имѣли за собою уничтоженную часть ими же пройденной Бельгіи, гдѣ по дорогамъ, на каждомъ шагу, валялись непогребенные трупы разстрѣлянныхъ мирныхъ жителей. Именно мирныхъ! „Мы сами до сихъ поръ прошли благополучно", но „мы сами позавчера разстрѣляли 6 и повѣсили 3", — пишетъ корреспондентъ. За что-же? За благополучный проходъ? Далѣе въ письмѣ сказано, что другіе отряды „должны были разстрѣливать т а к и х ъ-ж е коварныхъ убійцъ ежесекундно". Какихъ-же „такихъ"? Мимо которыхъ они проходили благополучно?

Но даже и помимо этого логическаго вывода, есть неопровержимыя доказательства, что бельгійское населеніе встрѣтило вторгшихся нѣмцевъ, по меньшей, мѣрѣ, не враждебно. Это свидѣтельствуетъ самъ авторъ только что процитированнаго письма, начинающій именно съ того, что при первой встрѣчѣ въ Льежѣ мирное населеніе проявило къ нѣмцамъ дружеское отношеніе. Правда, авторъ приписываетъ это особому коварству и хитрости бельгійцевъ. Но это уже изъ области неособенно удачной нѣмецкой психологіи въ этой войнѣ. Фактъ же остается тотъ, что 50 километровъ нѣмцы прошли „благополучно".

Второе подтвержденіе тому, что бельгійцы отнеслись къ нѣмцамъ сначала не враждебно, — даетъ гауптманъ въ запасѣ Питшъ, въ корреспонденціи, напечатанной въ оффиціозномъ „Dresdener Anzeiger", 15/2 сентября. Корреспонденція цензурована въ главной квартирѣ гауптманомъ фонъ-Роршейдъ и говоритъ буквально:

„Когда кавалерійскіе отряды, сейчасъ же по началу войны, перешли бельгійскую границу, они были встрѣчены чуть ли не съ распростертыми объятіями. Съ ними были очень любезны, угощали ихъ, сердечно привѣтствовали, потому что ихъ приняли з а а н г л и ч а н ъ. Почти два дня продолжалось это недоразумѣніе".

Дѣйствительно, недоразумѣніе... Не знаешь только, чему больше удивляться: необыкновенному простодушію двухъ нѣмецкихъ гауптмановъ — писавшаго и цензуровавшаго, или непроходимой наивности бельгійцевъ, смѣшавшихъ вторгшихся черезъ нѣмецко-бельгійскую границу германцевъ съ... англичанами.

Но если оставить въ сторонѣ этотъ положительно классическій образецъ нѣмецкаго простодушія, то остается фактъ двойного нѣмецкаго свидѣтельства, что бельгійское населеніе никакихъ враждебныхъ дѣйствій противъ нѣмцевъ не проявляло. Это лучшій отвѣтъ на утвержденіе императора Вильгельма, что бельгійское правительство „задолго до войны заботливо подготовило населеніе" къ партизанской войнѣ. Въ то же время, этотъ фактъ невольно рождаетъ вопросъ: за что же, при этомъ не враждебномъ отношеніи населенія, была уничтожена уже 5-го августа, т. е., непосредственно послѣ перехода границы, цѣлая часть Бельгіи? За что разстрѣливались и вѣшались ея мирныя жители, трупы которыхъ такъ и оставались лежать непогребенными на дорогахъ?..

Одновременно съ этими убійствами и поджогами шелъ самый форменный грабежъ. Тотъ же, уже цитированный нами, авторъ письма въ „Hamburger Fremdenblatt" пишетъ, что сначала разстрѣливали жителей, потомъ грабили ихъ дома („дома обыскивались за жизненными припасами"), а въ заключеніе дома поджигались. Методически и планомѣрно... Объ этомъ же способѣ наказанія „коварныхъ убійцъ" съ пользой для обиженныхъ нѣмцевъ сообщаетъ и корреспондентъ „Berliner Tageblatt", въ № отъ 10 сентября (28 августа). Онъ пишетъ:

„Изъ церкви вырываются яркіе снопы огня. Дождь искръ падаетъ на крыши. Цѣлые ряды улицъ въ огнѣ. Не заботясь о зноѣ и дымѣ, работаютъ наши солдаты. Съ невозмутимымъ спокойствіемъ они выносятъ изъ домовъ овесъ и *солому*; они спасаютъ, что еще спасти можно (бу-

квально: Aus den Häusern holen sie mit unnerschütterlicher Ruhe Hafer und Stroh, retten was noch zu retten ist“). Проходятъ войска. Они почти не смотрятъ на эту огненную трагедію, для нихъ она, должно быть, привычная картина“..

Не бельгійцы, а какіе то пошехонцы! Тыну поклоняются, корову на крышу тащутъ,—нѣмцевъ за англичанъ принимаютъ, солому въ домахъ прячутъ... Не сообщаетъ только корреспондентъ для какой надобности „наши солдаты“ вытаскивали изъ ими же подожженныхъ домовъ солому и куда они дѣвали „спасенное“. Жители разстрѣляны, мѣстность уничтожена, а „наши солдаты“ съ „невозмутимымъ спокойствіемъ спасаютъ, что еще спасти можно“...

3.

Возвращаясь къ телеграммѣ президенту Вильсону императора Вильгельма о „нѣсколькихъ деревняхъ“, уничтоженныхъ его генералами, мы оговариваемся, что нашъ списокъ этихъ деревень далеко не полный, такъ какъ составленъ по ограниченному числу источниковъ: доклада директора нѣмецкаго банка, Хельферейха, спеціально командированнаго для обслѣдованія Бельгіи, сообщеній гауптмана Питшъ, гг. Биндеръ и д-ра Грабейнъ въ офиціозномъ „Dresdener Anzeiger“ и „Berliner Tageblatt“. Но если нашъ списокъ не полный, то за то онъ безусловно достовѣрный, не подлежащій опроверженію даже со стороны нѣмцевъ. Списокъ этотъ слѣдующій:

Городъ Арденъ (Ardenne). Здѣсь квартировала цѣлая дивизія и, уходя, уничтожила городъ.

Городъ Баттисъ (Battice) уничтоженъ. *Та же участь постигла и нѣкоторыя другія поселенія вблизи границъ.*

Городъ Ете (Ethe). Городъ—груда развалинъ. „Какъ кровью обливаетъ жгучій закатъ солнца эту бельгійскую Помпею“.

Городъ Эрве (Erve) сравненъ съ землею. Изъ 500 домовъ Эрве осталось 19, и то потому, что на нихъ имѣется

надпись „не стрѣлять“. Всюду разбросаны трупы; всюду смрадъ горѣлаго. *Та же самая картина на всемъ пути до Лютиха* (Льежа). Изъ погребовъ разрушенныхъ домовъ страшный трупный запахъ. Остановиться нельзя.

Селеніе Лейньонъ (Leignon). Всѣ, у кого находилось оружіе немедленно уничтожались (sofort niedergemacht). Дома подожжены. 360 субъектовъ, вмѣстѣ съ женщинами и дѣтьми, частью закованные, заперты въ церкви.

Селеніе Баранцы (Baranzy). Отъ села осталось лишь 5 домовъ.

Селеніе Муссонъ (Musson). Такъ село называлось раньше. Теперь оно никакого названія не можетъ имѣть,— оно не существуетъ.

Селеніе Соринъ (недалеко отъ Динана) жителей было 400 человѣкъ.

Селеніе Дальгеймъ, округа Шато-Шаленъ; жителей было 286 человѣкъ.

Селеніе Бонтенъ (Bontin) семь километровъ отъ Динана: 30 человѣкъ разстрѣляно; село разрушено.

Анри Шаппель (Henri Chapelle). „Отъ разрушенія не пощаженъ и Божій домъ. Безнадеженъ видъ его съ разгромленнымъ куполомъ и разрушенной внутренностью; только однѣ стѣны остались“.

Это все именныя. А вотъ и безымянныя. Подчеркнутыя выше фразы не въ счетъ.

„Та же самая картина повторяется *второй, третій, четвертый* разъ. Глубоко внизу насъ, изъ долины Бизе (Bisé) отовсюду поднимаются черные клубы дыма, свидѣтельствующіе, что и тамъ происходитъ та же самая экзекуція.

„Въ нѣкоторыхъ домахъ все еще горитъ. Часто къ запаху гари примѣшивается отвратительный трупный запахъ; все вымерло; кругомъ ни одного человѣка. Куда дѣвались всѣ эти тысячи и тысячи, находившіе здѣсь кровъ и питаніе? Тутъ и тамъ свѣже насыпанные холмы; въ нихъ зарыты эти жертвы фуріи-войны“.

О такихъ, напр., между прочимъ, срывающихся фразахъ, какъ: „передъ нашими глазами 10 мужчинъ и одна женщина были осуждены и разстрѣляны“; „всѣ деревни, откуда въ насъ стрѣляли, сожжены“; „ночью небо далеко кругомъ окрашено заревомъ“;—мы и говорить не будемъ.

Вотъ лишь маленькій уголокъ картины уничтоженія Бельгіи и Бельгійцевъ, набросанной исключительно по сообщеніямъ нѣмецкихъ газетъ, и которая въ телеграммѣ императора Вильгельма называется „нѣсколько деревень“.

Упомянемъ еще, что весь этотъ страшный смерчъ огня и крови пронесся надъ Бельгіей еще до 25/12 августа, дня разрушенія Лувена и „торжественнаго протеста“ императора Вильгельма.

Къ этому, далеко не полному списку, страдальческихъ мѣстъ, слѣдуетъ прибавить еще многострадальный Динанъ (Dinand).

Объ этомъ городѣ писали мало. Мы тоже распространяться не будемъ

„Въ 9 час. вечера въ воскресенье, 23/10 августа отрядъ получилъ приказаніе своими полевыми гаубицами *уничтожить городъ, вмѣстѣ со всѣми оставшимися въ немъ жителями.* Съ грохотомъ воютъ гранаты, все разрушая и зажигая и вскорѣ Динанъ горитъ яркимъ пламенемъ“.

„Ужасъ охватываетъ насъ, когда мы видимъ эту законченную картину разрушенія“.

Это краткое описаніе корреспондента газеты „Dresdener Anzeiger“. Но есть описаніе, болѣе подробное и „поэтическое“.

„Въ богатой цѣпи великолѣпныхъ городовъ по берегамъ Мааса—Динанъ (Dinand) самый блестящій и красивый бриллiантъ. На правомъ берегу церковь,—мечта ранней готики, заставляющая, кажется, мечтать весь скалистый ландшафтъ кругомъ“

Такъ начинаетъ свое повѣствованіе о разрушеніи (23/10 августа) Динана корреспондентъ „Berliner Tageblatt“.

За что разрушенъ городъ? у корреспондента, невзначай, срывается и объясненіе: „Національная гвардія въ безумной отвагѣ выступила навстрѣчу первымъ наступающимъ нѣмцамъ“.

Стало быть, городъ еще не былъ взятъ нѣмцами. Національное войско вышло навстрѣчу наступающему врагу, чтобы открыто сразиться съ нимъ въ честномъ бою. И вотъ за это:

„Высоко, высоко поднимается пламя. Пойманные „убійцы“ *разставляются рядами у стѣнъ и разстрѣливаются* свистящими пулями; горитъ церковь; съ громовымъ шумомъ срываются съ высоты три колокола; падая, они звонятъ“.

Ночью, будто, „ожесточенное“ населеніе попыталось напасть на нѣмцевъ.

„Борьба была недолгая: 42 виновныхъ были на утро 24 августа казнены; ихъ могила находится въ саду одной виллы; кругомъ растоптанные цвѣтники розъ, а посрединѣ свѣжій большой холмъ, плохо засыпанный. Жгучій запахъ разложенія пробивается сквозь рыхлую землю.

Когда солнце снова совершило свой круговой оборотъ, Динана, этого цвѣтущаго города красоты, больше не было“.

Вѣчная память!

Подчеркнемъ еще слѣдующее: не только въ этихъ описаніяхъ нѣмецкихъ газетъ, не только въ оффиціальныхъ сообщеніяхъ германскаго правительства, но даже въ частныхъ письмахъ не приводится никакихъ, абсолютно, конкретныхъ случаевъ нападенія разстрѣляннаго населенія на войско и его части. Все ограничивается глухимъ, не подающимся никакой провѣркѣ, голословнымъ утвержденіемъ: „Въ наши войска стрѣляли сзади“. Кто стрѣлялъ, были ли потери—нигдѣ ни слова. Увѣренія германцевъ, съ императоромъ Вильгельмомъ во главѣ, о нападеніи на раненыхъ, убійствѣ врачебнаго персонала, обстрѣлѣ лазаретовъ,—за все прослѣженное время и послѣ него, когда Германія начала оправдываться и такъ умѣстно было бы сослаться на факты,

оправдывающіе эти жестокости,—нигдѣ, абсолютно, не подтверждается ни однимъ обозначеніемъ части, ни однимъ именемъ убитаго врача или санитара, ни однимъ названіемъ обстрѣляннаго лазарета. Это мы утверждаемъ самымъ положительнымъ образомъ.

Подчеркнемъ еще разъ, что всѣ эти ужасы совершены до 25/12 августа, дня разрушенія Лувена.

Сознавалъ ли, сознаетъ ли нѣмецкій народъ весь ужасъ, совершенный и совершаемый его „доблестными сынами"? Нѣтъ.

Тотъ же самый „поэтическій" корреспондентъ „Berliner Tageblatt" рисуетъ слѣдующій эпизодъ изъ своего объѣзда Бельгіи. Мѣстность называется Латуръ (Latour). Когда корреспонденты проходили эту деревню, крестьяне

> „кланяются или дѣловито поднимаются, когда мы приближаемся. Маленькая дѣвочка, можетъ быть 3 лѣтъ, напѣваетъ дѣтскую пѣсенку; малютка, конечно, по наставленію родителей, вскакиваетъ и поднимаетъ крошечныя ручки вверхъ, чтобы показать, что она ничего не злоумышляетъ противъ насъ, но она продолжаетъ напѣвать свою пѣсенку и улыбается намъ"....

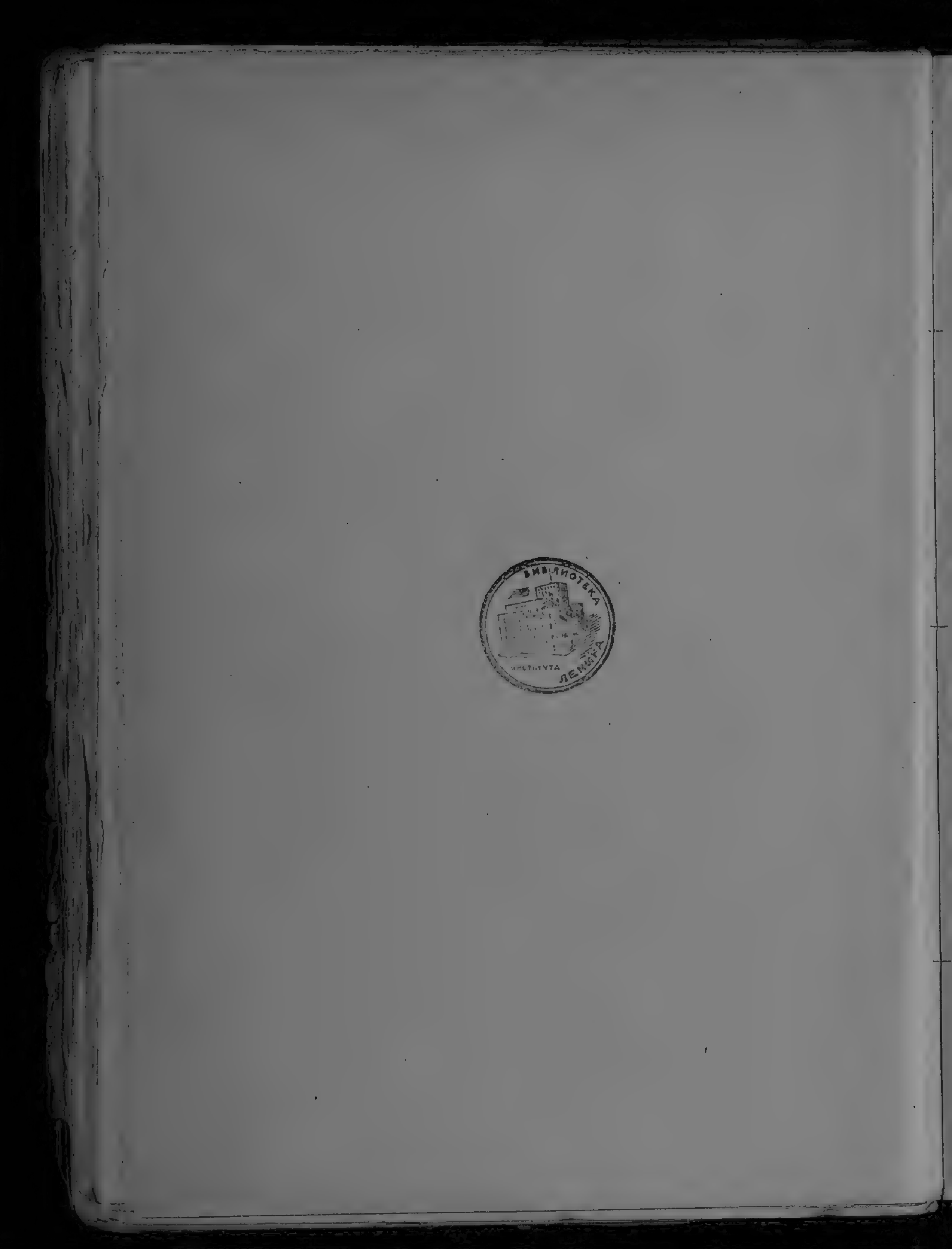
Это многоточіе не наше, а самого корреспондента.

Трехлѣтній ребенокъ, такъ хорошо запомнившій родительское наставленіе... Малютка, научившаяся распознавать нѣмцевъ и моментально бросающая свою игру, чтобы поднять ручки вверхъ, когда они приближаются....

Телеграмма берлинской газеты „Berliner Lokal Anzeiger":

„Мюнхенъ. 31 августа. Изъ Гомбурга, въ Рейнскомъ Пфальцѣ, сюда сообщаютъ: Нѣмецкій офицеръ, который во Франціи, въ борьбѣ съ партизанами, велѣлъ разстрѣлять содержателя гостинницы и его жену, взялъ къ себѣ 4 лѣтняго ребенка убитыхъ и отправилъ его къ своей женѣ".

Эта телеграмма носитъ заголовокъ: „Deutscher Edelmut"—„Нѣмецкое благородство"....

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА
ЛЕНИНА

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

ГЛАВА V.

Германская соціалъ-демократія.

ГЛАВА VI.

Германскій военный заемъ.

ГЛАВА VII.

Бельгія.

ТИП. А. ЛАВРОВЪ и Ю. ПЕТРОГРАДЪ. УЛ. ГОГОЛЯ, 9.